

ХРИСТОС В ПОЭЗИИ

Christus in der Poesie

ХРИСТОС В ПОЭЗИИ

1988

А. К. Толстой
(1817-1875)

ХРИСТОС

Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренно Он учил.
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.
Не терпит гнева Он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром.
Есть неземная сила в Нем:
Слепым Он возвращает зренье,
Дарит и крепость, и движенье
Тому, кто был и слаб, и хром.
Целя недуг, врачуя муку,
Везде Спасителем Он был,
И всем простер благою руку,
И никого не осудил.

МАДОННА РАФАЭЛЯ

Склоняся к юному Христу,
Его Мария осенила.
Любовь небесная затмила
Его земную красоту.
А Он в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед и ясным оком
Голгофу видит пред Собой.

Из „ИОАННА ДОМАСКИНА“

Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от края и до края,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
Которой, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду.
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с ними слить.
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!
Как горней бури приближенье,
Как натиск пенящихся вод,
Теперь в груди моей растет
Святая сила вдохновенья.
Уж на устах дрожит хвала
Всему, что благо и достойно.

Блажен, кто рядом славных дел
Свой век украсил быстротечный.
Блажен, кто жизнью умел
Хоть раз коснуться правды вечной.
Блажен, кто истину искал
И тот, кто, побежденный, пал

В толпе ничтожной и холодной,
Как жертва мысли благородной!
Но не для них моя хвала,
Не им восторги излишня -
Мечта для песен избрала
Не их высокие деянья,
И не в венце сияет Он,
К Кому душа моя стремится,
Не блеском славы окружен,
Не на звенящей колеснице
Стоит Он, гордый Сын побед,
Не в торжестве величья! Нет!
Я зрю Его передо мною
С толпою бедных рыбаков:
Он тихо, мирною стезею
Идет меж зреющих хлебов.
Благих речей Своих отраду
В сердца простые Он лиет,
Он правды алчущее стадо
К его источнику ведет.
Он, мой Господь, моя надежда,
Моя и сила, и покров!
Тебе хочу я все мышленья,
Тебе всех песен благодать,
И думы дня, и ночи бденья,
И сердца каждое биенье,
И душу всю мою отдать!
Не отверзайтесь для другого
Отныне, вещие уста!
Греми лишь именем Христа,
Мое восторженное слово!

Из: „Пойдем за Ним.“

ГРЕШНИЦА

1.

Народ кипит, веселье, хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот
Кругом и зелень, и цветы,
И меж столбов у входа дома
Парчи тяжелой переломы
Тесьмой узорной подняты.
Чертоги убраны богато,
Везде горит хрусталь и злато,
Возниц и коней полон двор.
Теснясь за трапезой великой,
Гостей пирует шумный хор,
Идет, сливаясь с музыкой,
Их перекрестный разговор.
Ничем беседа не стеснима,
Они свободно говорят
О ненавистном иге Рима,
О том, как властвует Пилат.
О их старшин собраньи тайном,
Торговле, мире, и войне,
И муже том необычайном,
Что появился в их стране.

2.

„Любовью к ближним пламенея,
Народ смиренно Он учил.
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.

Не терпит гнева Он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром,
Есть неземная сила в Нем:
Слепым Он возвращает зренье,
Дарит и крепость и движенье
Тому, кто был и слаб, и хром.
Ему признания не надо:
Сердце мышление отперто,
Его пытающего взгляда
Еще не выдержал никто.
Целя недуг, врачуя муку,
Везде Спасителем Он был,
И всем простер благою руку,
И никого не осудил.
То, видно, Богом муж избранный,
Он там, у Иордана
Ходил, как посланный с небес,
Он много там свершил чудес,
Теперь пришел Он, благодушный,
На эту сторону реки,
Толпой прилежной и послушной
За ним идут ученики“.

3.

Так гости, вместе рассуждая,
За длинной трапезой сидят,
Меж ними, чашу осушая,
Сидит блудница молодая.
Ее причудливый наряд
Невольно привлекает взоры:

Ее нескромные уборы
О грешной жизни говорят.
Но дева падшая прекрасна,
Взирая на нее, навряд
Пред силой прелести опасной
Мужи и старцы устоят...
В ней совесть сердца не тревожит,
Стыдливо не вспыхает кровь:
Купить за злато всякий может
Ее продажную любовь.
И внемлет дева разговорам,
И ей они звучат укором...
Гордыня пробудилась в ней,
И говорит с хвастливым взором:
„Я власти не боюсь ничьей!
Заклад со мной держать хотите ль?
Пускай предстанет ваш Учитель,
Он не смутит моих очей!“

4.

Вино струится, шум и хохот,
Звон лютней и кимвалов грохот,
Куренье, солнце и цветы -
И вот к толпе, шумящей праздну,
Подходит муж благообразный.
Его чудесные черты,
Осанка, поступь и движенья
Во блеске юной красоты,
Полны огня и вдохновенья:
Его величественный вид
Неотразимой дышет властью,

К земным утехам нет участия,
И взор в грядущее глядит.
То муж на смертных не похожий,
Печать избранника на нем,
Он светел, как архангел Божий.
Невольно грешная жена
Его величьем смущена,
И смотрит робко, взор понизив;
Но, вспомня свой недавний вызов,
Она с седалища встает,
И стан свой вырямивши гибкий,
И смело выступив вперед,
Пришельцу с дерзкою улыбкой
Фиал шипящий подает:
„Ты тот, что учит отреченью?
Не верю твоему ученью,
Мое надежней и верней.
Меня смутить не мысли ныне,
Один скитавшийся в пустыне,
В посте прошедший сорок дней!
Лишь наслажденьем я влекома,
С постом, с молитвой незнакома.
Я верю только красоте,
Служу вину и поцелуюм,
Мой дух тобою не волнуем.
Твоей смеюсь я чистоте!“
И речь ее еще звучала,
Еще смеялася она,
И пена легкая вина
По кольцам рук ее бежала,
Как общий говор вдруг возник,
И слышит грешница в смущеньи:
„Она ошиблась! В заблужденье

Ее привел пришельца лик,
То не учитель перед нею,
То Иоанн из Галилеи,
Его любимый ученик“.

5.

Небрежно немощным обидам
Внимал он девы молодой,
И вслед за ним, с спокойным видом,
Подходит к храмину другой.
В Его смиренном выраженьи
Восторга нет, ни вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очерк дивного чела,
То не пророка взгляд орлиный,
Но прелесть ангельской красы -
Делятся на две половины
Его волнистые власы;
Поверх хитона упавая,
Одела риза шерстяная
Простою тканью стройный рост,
В движеньях скромнен он и прост;
Ложась вокруг уст Его прекрасных,
Слегка раздвоена брада -
Таких очей благих и ясных
Никто не видел никогда.
И пронеслося над народом,
Как дуновенье тишины,
И чудно благостным приходом
Сердца гостей потрясены.
Замолкнул говор. В ожиданьи

Сидит недвижимое собрание,
Тревожно дух переводя, —
И Он, в молчании глубоком,
Обвел сидящих тихим оком,
И в дом веселья не входя,
На дерзкой деве самохвальной
Остановил Свой взор печальный.

6.

И был тот взор, как луч денницы,
И все открылося Ему.
И в сердце сумрачном блудницы
Он разогнал ночную тьму.
И все, что было там таимо,
В грехе, что было свершено,
В ее глазах неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ее порочных дел —
И ужас ею овладел.
Уже на грани сокрушенья,
Она постигла в изумленьи,
Как много благ, как много сил
Господь ей щедро подарил,
И как она восход свой ясный
Грехом мрачила ежечасно.
И в первый раз гнушаясь злом,
Она в том взоре благодатном
И кару дням своим развратным,
И милосердие прочла.

И, чуя новое начало,
Еще страхась земных препон,
Она, колеблясь, стояла...
И вдруг в тиши раздался звон
Из рук упавшего фиала,
Стесненной груди слышен стон,
Бледнеет грешница молодая,
Дрожат открытые уста -
И пала ниц она, рыдая,
Перед сватынею Христа.

Из: „Христос в мировой поэзии“
Иона Брихничев, Москва 1912 г.

СМЕРТЬ

С нашей жизнью вечно смежная,
Вечно ищущая нас,
Смерть приходит неизбежная
В каждый день и в каждый час.
Благо, благо недремавшему,
Мирно гостью ожидавшему,
Неусыпно посылавшему
К небесам молящий глас!

И. С. Никитин
(1824-1861)

УСПОКОЕНИЕ

О, ум мой холодный!
Зачем, уклоняясь
От кроткого света
Божественной веры,
Ты гордо блуждаешь
Во мраке сомненья?
Ответь, если можешь:
Кто дал тебе силу
Разумной свободы
И к истинам вечным
Любовь и влечение?
Кто плотью животной
Покрыл мне так чудно
Скелет обнаженный,
Наполнил все жилы
Горячею кровью,
Дал каждому нерву
Свое назначенье
И сердце заставил
Впервые забиться,
Дотоль ему чуждой,
Неведомой жизнью?
Кто дал тебе средство
Чрез малую точку
Подвижного ока
Усваивать знанья
О видимом мире?

И как назовешь ты
Тот дух в человеке,
Который стремится
За грани земного,
С сознанием свободы
И сильным желаньем
Познаний и блага?
Который владеет
Порывами сердца,
Один торжествует
В страданиях тела,
Законы природы
Себе подчиняя?..
Кто дал это свойство
Цветущей природе, —
Что в ней разрушенье
Единого тела
Вызывает началом
Для жизни другого?
Кто этот Художник,
Рукой всемогущей
В цветке заключивший
Целебную силу,
И яд смертоносный,
И яркие краски,
И тени, и запах?..
Смирись же и веруй,
О, ум мой надменный:
Законы вселенной,
И смерть, и рожденье
Живущего в мире,
И мощная воля
Души человека

Дают мне постигнуть
Великую тайну,
Что есть Высший Разум,
Все дивно создавший,
Всею правящий мудро.

НОВЫЙ ЗАВЕТ

Измученный жизнью суровой,
Не раз я себе находил
В глаголах Предвечного Слова
Источник покоя и сил.
Как дышат святые их звуки
Божественным чувством любви,
И сердца тревожного звуки
Как скоро смиряют они!..
Здесь все в чудно-сжатой картине
Представлено Духом Святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им,
И сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и венец,
И вечного Сына рожденье,
И крест, и терновый венец.
Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души!

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

Сверкает запад озлащенный
Над иудейскою землею,
И на окрестность вечер сонный
С прозрачною нисходит мглой.
Спокойно высясь над полями,
Закатом солнца освещен,
Стоит высокий Елеон
С благоуханными садами.
Вокруг его живых картин
Сияют чудные узоры:
Здесь увенчал Иерусалим
Своими зданиями горы.
Вдали Гевал и Гаризим,
К востоку воды Иордана
С пейзажем дремлющих долин
Рисуются в волнах тумана,
И моря Мертвого краса
Сквозь сон глядит на небеса,
А там, на западе, далеко
Лазурных Средиземных волн
Разлив могучий огражден
Песчаным берегом широко...
Темнеет... Всюду тишина...
Вот ночи вспыхнули светила, —
И ярко полная луна
Сад Гефсиманский озарила.
В траве, под ветвями олив
И померанцев неподвижных,
Сыны Божественного Слова,
Спят три апостола всемирных,

И сон их сладок и глубок.
И в целом мире в эту пору
Один Учитель лишь не спал.
За слово истины высокой
Голгофский крест предвидел Он,
И чувством скорби возмущен,
Отцу молился одиноко:
„Отец! Отец! Душа моя
В немой тоске изнемогает,
Картина будущего дня
Мне сердце кровью обливает;
Я знаю, этот день придет, –
На жертву отданный народу,
Твой Сын Божественный умрет,
Умрет за общую свободу...
Проклятье черни загремит
Над головой, венцом покрытой,
И подвиг жертвы очернит
Насмешка злобы ядовитой.
И те, которым со креста
Пошлю Я рад благословенья,
С улыбкой гордого презренья
Подымут руки на Христа...
Отец! Отец! Пусть чаша эта
Минует Сына Твоего;
Мне горько видеть злобу света
За искупление его!
Но если Твоему народу
Позор Мой славу принесет, –
Пускай за общую свободу
Сын Человеческий умрет!“
Молитву кончив, грусти полный,
К ученикам Он подошел

И, увидав их сон спокойный,
Сказал им: „Встаньте, час пришел.
Оставьте сон ваш и молитесь,
Чтоб в искушение не впасть,
Тогда вы в вере укрепитесь
И с верой встретите напасть“.
Сказал - и тихо удалился
Туда, где прежде плакал Он,
И, новой скорбью возмущен,
На землю пал Он и молился:
„Отец! Ты в мир Меня послал,
Но сына мир Твой не приемлет,
Ему любовь Я завещал -
Моим глаголам Он не внимлет;
Я был врачом его больных,
Я за врагов Моих молился -
И надо Мной Иерусалим,
Как над обманщиком, глумился!
Народу мир Я завещал -
Народ судом Мне угрожает;
Я в мире мертвых воскрешал -
И мир Мне крест приготавлиет!..
Отец! Отец Мой! Чаша эта
Да мимо идет от Меня!
Ты - Бог любви, начало света,
И все возможно для Тебя!“
И, снова тайной грусти полный,
К ученикам Он подошел
И, увидав их сон спокойный,
Сказал им: „Встаньте, час пришел;
Уж недалеко царство славы,
Близка великая борьба.

Молитесь: скоро в день кровавый
Земли окончится судьба.“

Сказал и снова удалился

Под тень смоковниц и олив,

И там, колени преклонив,

Опять Он плакал и молился:

„Отец! Отец! Мне тяжело!

Мой ум колеблется, темнеет,

Все человеческое зло

На Мне едином тяготеет;

Позор людской, позор веков, —

Все на Себя Я принимаю,

Но Сам под тяжестью оков,

Как человек, изнемогаю!..“

И руки к небу Он подъял

И весь в молитву превратился...

Огонь лицо Его сжигал,

Кровавый пот по Нем струился,

* * *

И вот Спаситель

Опять пришел к ученикам,

И в это чудное мгновенье

Как был Он истинно велик,

Каким огнем одушевленья

Горел Его прекрасный лик!

Как ярко отражали очи

Всю волю твердую Его,

Как любовались на Него

Светила бледной полуночи!..

И вот Учитель им сказал:

„Вставайте, близок день печали,

И час предательства настал!“

И звук мечей остроконечных
Сад Гефсиманский пробудил,
И отблеск факелов зловещих
Лицо Иуды осветил.

МОЛИТВА ДИТЯТИ

Молись, дитя: тебе внимает
Творец бесчисленных миров,
И капли слез твоих считает,
И отвечать тебе готов.
Быть может, ангел твой хранитель
Все эти слезы соберет
И их в надзвездную обитель,
К престолу Бога отнесет.
Молись, дитя, мужай с летами.
И, дай Бог, в пору поздних лет
Таковыми ж светлыми очами
Тебе глядеть на Божий свет.

* * *

Была пора невинности счастливой,
Когда свой ум тревожный и пытливый
Я примерял с действительностью злой
Святых молитв горячею слезой;
Когда, дитя беспечное свободы,
В знакомых мне явлениях природы
Величие и мысль я находил
И жизнь мою, как дар небес, любил.
Теперь не то; сомнением томимый,
Я потерял свой мир невозмутимый, —
Единую отраду бытия,
И жизнь моя не радует меня...
Бывают дни, — измученный борьбою,
В тиши ночной, с горячею мольбою
Склоняюсь я к подножию креста;
Слова молитв твердят мои уста,

Но сердце тем словам не отвечает,
И мысль моя, Бог знает, где блуждает,
И сладких слез давно минувших лет
Ни на лице, ни на глазах уж нет.

Так холодом темницы окруженный,
Скорбит, порой, преступник осужденный
И к прежним дням уносится мечтой;
Но бедняку лишь новое страданье
Приносит лет былых воспоминанье.

С. Я. Надсон

(1862-1887)

ХРИСТИАНКА

1.

Спит гордый Рим, одетый мглою,
В тени разрошихся садов;
Полны глубокой тишиною
Ряды немых его дворцов;
Весенней полночи молчанье
Царит на сонных площадях;
Луны капризное сиянье
В речных колеблется струях,
И Тибр, блестящей полосой
Катясь меж темных берегов,
Шумит задумчивой струей
В даль убегающих валов.
В руках распятие сжимая,
В седых стенах тюрьмы сырой
Спит христианка молодая,
На грудь склонившись головой.
Бесплодны были все старанья
Ее суровых палачей:
Ни обещанья, ни страданья
Не сокрушили веры в ней.
Бесчеловечною душою
Судьи - на смерть осуждена,
Назавтра пред иным Судьею
Предстанет в небесах она.

И вот, полна святым желаньем
Всё в жертву небу принести,
Она идет к концу страдания,
К концу тернистого пути.

И снятся ей поля родные,
Шатры лимонов и дубов,
Реки изгибы голубые
И юных лет приятный кров;
И прежних мирных наслаждений
Она переживает дни, -
Но ни тревог, ни сожалений
Не пробуждают в ней они.
На все земное без участия
Она привыкла уж смотреть;
Не нужно ей земного счастья, -
Ей в жизни нечего жалеть;
Полна небесных упований,
Она без жалости и слез
Разбила рой земных желаний
И юный мир роскошных грез, -
И на алтарь Христа и Бога
Она готова принести
Все, чем красна ее дорога,
Что ей светило на пути.

2.

Поднявшись гордо над рекою,
Дворец Нерона гордо спит;
Вокруг зеленою семьею
Ряд стройных тополей стоит;

В душистом мраке утопая,
Спокойной негой дышит сад;
В его тени, струей сверкая,
Ключи студеные журчат.
Вдали зубчатой полосой
Уходят горы в небеса,
И, как плащом, одеты мглою,
Стоят священные леса.
Все спит. Один Альбин угрюмый
Сидит в раздумьи у окна...
Тяжелой, безотрадной думой
Его душа возмущена.
Враг христиан, патриций славный,
В боях испытанный герой,
Под игом страсти своенравной,
Как раб, поник он головой.
Вдали толпы пиров и шума,
Под кровом полночи немой,
Все так же пламенная дума
Сжимает грудь его тоской.
Мечта нескромная смущает
Его блаженством неземным,
Воображенье вызывает
Картины страстные пред ним.
И в полумгле весенней ночи
Он видит образ дорогой,
Черты любимые и очи,
Надежды полные святой.

3.

С тех пор, как дева молодая
К нему на суд приведена,
Проснулась грудь его немая
От долгой тьмы глухого сна;
Разврат дворца в душе на время
Стремленья чистые убил,
Но свет любви порока бремя
Мечом карающим разбил,
И казнь Марии изрекая,
Дворца и Рима гордый сын,
Он сам, того не сознавая,
Уж был в душе христианин.
И речи узницы прекрасной
С вниманьем жадным он ловил,
И свет великий веры ясной
Глубоко корни в нем пустил.
Любовь и вера победили
В нем заблужденья прежних дней
И душу гордую смутили
Высокой прелестью своей.

4.

Заря блестящими лучами
Зажглась на небе голубом,
И свет огнистыми волнами
Блеснул причудливо кругом.
За ним, венцом лучей сияя,
Проснулось солнце за рекой
И, светлым диском выплывая,

Сверкает гордо над землей...
Проснулся Рим. Народ толпами
В амфитеатр, шумя, спешит,
И черни пестрыми волнами
Цирк, полный до верху, кипит.
И в ложе, убранной богато,
В пурпурной мантии своей,
Залитый в серебро и золото,
Сидит Нерон в кругу друзей.
Подавлен безотрадной думой,
Альбин, патриций молодой,
Как ночь, прекрасный и угрюмый,
Меж них сияет красотой.

Толпа шумит нетерпеливо
На отведенных ей местах,
Но – подан знак, и дверь визгливо
На ржавых подалась петлях, –
И, на арену выступая,
Тигрица вышла молодая...
Вослед за ней походкой смелой
Вошла, с распятием в руках,
Страдалица в одежде белой,
С спокойной твердостью в очах.
И вмиг всеобщее движенье
Сменилось мертвой тишиной,
Как дань немого восхищенья
Пред неземною красотой.
Альбин, поникнув головой,
Весь бледный, словно тень, стоял...
И вдруг пред стихнувшей толпою
Волшебный голос зазвучал:

- В последний раз я открываю
Мои дрожащие уста:
Прости, о, Рим, я умираю
За веру в моего Христа!
И в эти смертные мгновенья
Моим прощаю палачам,
За них последние моленья
Несу я к горним небесам:
Да не осудит их Спаситель
За кровь пролитую мою,
Пусть примет их Святой Учитель
В Свою великую семью!
Пусть светоч чистого ученья
В сердцах холодных Он зажжет,
И рай любви и примиренья
В их жизнь мятежную прольет!..

Она замолкла, - и молчанье
У всех царило на устах;
Казалось будто состраданье
В их черствых вспыхнуло сердцах...
Вдруг на арене пред толпою,
С огнем в очах, предстал Альбин
И молвил: „Я умру с тобою...
О, Рим, - и я христианин!..“
Цирк вздрогнул, зашумел, очнулся,
Как лес осеннею грозой, -
И зверь испуганно метнулся,
Прижавшись к двери роковой...
Вот он крадется, выступая,
Ползет неслышно, как змея...

Скачок... и, землю обагроя,
Белеснула алая струя...
Святыню смерти и страданий
Рим зверским смехом оскорбил,
И дикий гром рукоплесканий
Мольбу последнюю покрыв.

Глубокой древности сказанье.
Прошли седые времена,
И беспристрастное преданье
Хранит святыя имена.
Простой народ тепло и свято
Сумел в преданьи сохранить,
Как люди в старину когда-то,
Умели верить и любить!..

* * *

Христос!.. Где Ты, Христос, сияющий лучами
Бессмертной истины, свободы и любви?..
Взгляни, - Твой храм опять поруган торгашами,
И меч, что Ты принес, запятнан весь руками,
Повинными в страдальческой крови...

Взгляни, кто учит мир тому, чему когда-то
И Ты учил его под тяжестью креста!
Как ярко их клеймо порока и разврата,
Какие лживые за страждущего брата,
Какие гнойные открылися уста!..

О, если б только зло! Но рваться всей душою
Рассеять это зло, трудиться для людей, -
И горько сознавать, что об руку с тобою
Кричит об истине, ломаясь пред толпою,
Прикрытый маскою, продажный фарисей!..

* * *

Я не Тому молюсь, Кого едва дерзает
Назвать душа моя, смущаясь и дивясь,
И перед Кем мой ум бессильно замолкает,
В безумной гордости постичь Его стремясь;
Я не Тому молюсь, пред чьими алтарями
Народ, простертый ниц, в смирении лежит,
И льется фимиам душистыми волнами,
И зыблются огни, и пение звучит;
Я не Тому молюсь, Кто окружен толпами
Священным трепетом исполненных духов,
И чей незримый трон за яркими звездами
Царит над безднами разбросанных миров, -
Нет, перед Ним я нем!.. Глубокое сознание
Моей ничтожности смыкает мне уста, -
Меня влечет к себе иное обаяние, -
Не власти царственной, - но пытки и креста.
Мой Бог - Бог страждущих, Бог, обогранный кровью,
Бог - человек и брат с небесною душой, -
И пред страданием и чистою любовью
Склоняюсь я с моей горячею мольбой!..

* * *

О, если там, за тайной гроба,
Есть мир прекрасный и святой,
Где спит завистливая злоба,
Где вечно царствует покой,
Где ум не возмутят сомнения,
Где не изноет грудь в борьбе, —
Творец, услышь мои моления
И призови меня к Себе!

Мне душен этот мир разврата
С его блестящей мишурой!
Здесь брат рыдающего брата
Готов убить своей рукой,
Здесь спят высокие порывы
Свободы, правды и любви,
Здесь ненасытный бог наживы
Свои воздвигнул алтари.
Душа полна иных стремлений,
Она любви и мира ждет, —
Борьба и тайный яд сомнений
Ее терзает и гнетет.
Она напрасно молит света
С немой и жгучею тоской,
Глухая полночь без рассвета
Царит всесильно над землей.

В крови и мраке утопая,
Ничтожный сон толпы людской
На дверь утраченного рая
Глядит с насмешкой и хулой.
И тех, кого зовут стремленья
К святой, духовной красоте —
Клеймит печатью отверженья
И распинает на кресте.

ИУДА

1.

Христос молился... Пот кровавый
С чела поникшего бежал...
За род людской, за род лукавый,
Христос моленья воссылал;
Огонь святого вдохновенья
Сверкал в чертах Его лица,
И Он с улыбкой сожаленья
Сносил последние мученья
И боль тернового венца.
Вокруг креста толпа стояла,
И грубый смех звучал порой...
Слепая чернь не понимала,
Кого насмешливо пятнала
Своей бессильною враждой.
Что сделал Он? За что на муку
Он осужден, как раб, как тать,
И кто дерзнул безумно руку
На Бога своего поднять?
Он в мир вошел с святой любовью,
Учил, молился и страдал -
И мир Его невинной кровью
Себя навеки запятнал!..
Свершилось!..

2.

Полночь голубая
Горела кротко над землей;
В лазури ласково сияя,
Поднялся месяц золотой.
Он то задумчивым мерцаньем
За дымкой облака сверкал,
То снова трепетным сияньем
Голгофу ярко озарял.
Внизу, окутанный туманом,
Виднелся город с высоты,
Над ним, подобно великанам,
Чернели грозные кресты.
На двух из них еще висели
Казненные; лучи луны
В их лица бледные глядели
С своей безбрежной вышины.
Но третий крест был пуст. Друзьями
Христос был снят и погребен,
И их прощальными слезами
Гранит надгробный орошен.

3.

Чье затаенное рыданье
Звучит с последнего креста?
Кто этот человек? Страданье
Горит в чертах его лица.
Быть может, с жаждой исцеленья
Он из далеких стан спешил,

Чтоб Иисус его мученья
Всесильным словом облегчил?
Уж он готовился с мольбою
Упасть к ногам Христа - и вот,
Вдруг отовсюду узнает,
Что Тот, Кого народ толпою
Недавно как царя встречал,
Что Тот, Кто свет зажег над миром,
Кто не кадил земным кумирам
И зло открыто обличал, -
Погиб, заброшенный презреньем,
Измятый пыткой и мученьем!..
Быть может, тайный ученик,
Склонясь усталой головою,
К кресту Учителя приник
С тоской и страстною мольбою?
Быть может, грешник непрощенный
Сюда, измученный, спешил,
И здесь, коленопреклоненный,
Свое раскаянье излил? -
Нет, то Иуда!.. Не с мольбой
Пришел он - он не смел молиться
Своей порочною душой;
Не с телом Господа проститься
Хотел он - он и сам не знал,
Зачем и как сюда попал.

4.

Когда на муки обреченный,
Толпой народа окруженный,
На место казни шел Христос
И крест, изнемогая, нес,
Иуда, притаившись, видел
Его страдания и сознал,
Кого безумно ненавидел,
Чью жизнь на деньги променял.
Он понял, что ему прощенья
Нет в беспристрастных небесах, -
И страх, бессильный рабский страх,
Угрюмый спутник преступления,
Вселился в грудь его. Всю ночь
В его больном воображеньи
Вставал Христос. Напрасно прочь
Он гнал докучное виденье;
Напрасно думал он уснуть,
Чтоб все забыть и отдохнуть
Под кровом молчаливой ночи:
Пред ним, едва сомкнет он очи,
Все тот же призрак роковой
Встает во мраке, как живой! -

5.

Вот Он, истерзанный мученьем
Апостол истины святой,
Измятый пыткой и презреньем,
Распятый буйною толпой;

Бог, осужденный приговором
Слепых, подкупленных судей!
Вот Он!.. Горит немым укором
Небесный взор Его очей.
Венец любви, венец терновый
Чело Спасителя язвил,
И, мнится, приговор суровый
В устах разгневанных звучит...
„Прочь, непорочное виденье,
Уйди, не мучь больную грудь!..
Дай хоть на час, хоть на мгновенье
Не жить, не помнить, отдохнуть...
Смотри: предатель Твой рыдает
У ног Твоих... О, пощади!
Твой взор мне душу разрывает...
Уйди... Исчезни... Не гляди!..
Ты видишь: я готов слезами
Мой поцелуй коварный смыть...
О, дай минувшее забыть,
Дай душу облегчить мольбами...
Ты Бог... Ты можешь все простить!
А я? Я знал ли сожаленье?
Мне нет пощады, нет прощенья!“

6.

Куда уйти от черных дум?
Куда бежать от наказания?
Устала грудь, истерзан ум,
В душе – мятежные страданья.
Безмолвно в тишине ночной,
Как изваянье без движенья,

Все тот же призрак роковой
Стоит залогом осужденья...
И здесь, вокруг, горя луной,
Душа весенним обаяньем,
Ночь разметалась над землей
Своим задумчивым сияньем.
И спит серебряный Кедрон,
В туман прозрачный погружен...

7.

Беги, предатель, от людей
И знай: нигде душе твоей
Ты не найдешь успокоенья:
Где б ни был ты, везде с тобой
Пойдет твой призрак роковой
Залогом мук и осужденья.
Беги от этого креста,
Не оскверняй его лобзаньем:
Он свят, он освящен страданьем
На нем распятого Христа!

И он бежал!..

8.

Пол-небосклона
Заря пожаром обняла
И горы дальнего Кедрона
Волнами блеска залила.

Проснулось солнце за холмами
В венце сверкающих лучей.
Все ожило... Шумит ветвями
Лес, гордый великан полей,
И в глубине его струями
Гремел серебряный ручей...
В лесу, где вечно мгла царит,
Куда заря не проникает,
Качаясь, мрачный труп висит;
Над ним безмолвно расстилает
Осина свой покров живой
И изумрудною листвою
Его, как друга, обнимает.
Погиб Иуда... Он не снес
Огня глухих своих страданий,
Погиб без примиренных слез,
Без сожалений и желаний.
Но до последнего мгновенья
Все тот же призрак роковой
Живым упреком преступленья
Пред ним восстал во тьме ночной.
Все тот же приговор суровый,
Казалось с уст Его звучал,
И на челе венец терновый,
Венец страдания, лежал!

ПОЛДОРОГИ

Путь суров... Раскаленное солнце палит
Раскаленные камни дороги.
О горячий песок и об острый гранит
Ты изранил усталые ноги.
Исстрадалась, измучилась смелая грудь,
Истомилась и жаждой, и зноем,
Но не думай с тяжелой дороги свернуть
И забыться позорным покоем.

Дальше путник, все дальше - вперед и вперед!
Отдых после, - он там, пред тобою...
Пусть под тень тебя тихая роща зовет,
Наклонившись над тихой рекою;
Пусть весна разостлала в ней мягкий ковер
И сплела из ветвей изумрудный шатер,
И царит в ней, любя и лаская, -
Дальше, дальше и дальше, под зноем лучей,
Раскаленной, безвестной дорогой своей,
Мимолетный соблазн презирая!

Страшен сон этой рощи, глубок в ней покой:
Он так вкрадчив, так сладко ласкает,
Что душа, утомленная скорбью больной,
Раз уснув, навсегда засыпает.
В этой чаще душистой диавол живет.
Чуть склонишься на мох ты, - с любовью.
Искуситель сердец уж неслышно прильнет
В полумгле к твоему изголовью!..

И услышишь ты голос: „Усни, отдохни!..
Прочь мятежные призраки горя!
Позабудься в моей благовонной тени,
В тихом лоне зеленого моря!..
Долог путь твой, – суровый, нерадостный путь...
О, к чему обрекать эту юную грудь
На борьбу, на тоску и мученья!
Друг мой! Вверься душистому запаху мха:
Эта роща вокруг так свежа и тиха,
В ней так сладки минуты забвенья!..“

Ты, я знаю, силен: – ты бесстрашно сносил
И борьбу, и грозу, и тревоги, –
Но сильнее открытых, разгневанных сил
Этот тайный соблазн полдороги...
Дальше ж, путник!.. Поверь, лишь ослабит тебя
Миг отрады, миг грез и покоя, –
И продал ты все то, что уж сделал любя,
За позорное счастье застоя!..

* * *

Случалось ли тебе бессонными ночами,
Когда вокруг тебя все смолкнет и заснет
И бледный серп луны холодными лучами
Твой мирный уголок таинственно зальет,
И только ты в тиши томишься одиноко,
Ты да усталая, больная мысль твоя,
Случалось ли тебе задуматься глубоко
Над неразгаданным вопросом бытия?
Зачем ты призван в мир? К чему твои страдания,
Любовь и ненависть, сомнения и мечты,
В безгрешно-правильной машине мироздания
И в подавляющей огромности толпы?..

* * *

Есть страдания ужасней, чем пытка сама, -
Это муки бессонных ночей,
Муки сильных, но тщетных порывов ума
На свободу из тяжких цепей.
Страшны эти минуты душевной грозы:
Мысль немеет от долгой борьбы, -
А в груди ни одной примиренной слезы,
Ни одной благодатной мольбы!..
Тайна, вечная, грозная тайна томит
Утомленный работою ум,
И мучительной пыткой душу щемит
Вся ничтожность догадок и дум...
Рад бежать бы от них, - но куда убежать?
О, они не дадут отдохнуть
И неслышно закрадутся в душу, как тать,
И налягут кошмаром на грудь;
Где б ты ни был - они не оставят тебя
И иссушат бесплодной тоской, -
Если ты как-нибудь не обманешь себя,
Или разом не кончишь с собой!..

* * *

Завеса сброшена: ни новых увлечений,
Ни тайн заманчивых, ни счастья впереди;
Покой оправданных и сбывшихся сомнений,
Мгла безнадежности в измученной груди...
Как мало прожито - как много пережито!
Надежды светлые, и юность, и любовь...
И все оплакана... осмеяно... Забыто,
Погребено - и не воскреснет вновь!

Я в братство веровал, но в черный день невзгоды
Не мог я отличать собратьев от врагов;
Я жаждал для людей познания и свободы, -
А мир - все тот же мир бессмысленных рабов;
На грозный бой со злом мечтал я встать сурово
Огнем и правдою карающих речей, -
И в храме истины - в священном храме слова,
Я слышу оргию крикливых торгашей!...

* * *

Я чувствую и силы, и стремленье
Служить другим, бороться и любить;
На их алтарь несу я вдохновенье,
Чтоб в трудный час их песней ободрить.
Но кто поймет, что не пустые звуки
Звонят в стихе неопытном моем,
Что каждый стих - дитя глубокой муки,
Рожденное в раздумьи роковом;
Что каждый миг „святого вдохновенья“
Мне стоит слез, не видных для людей,
Немой тоски, тревожного сомненья
И скорбных дум в безмолвии ночей?!

* * *

Неужели всю жизнь суждено мне прожить,
Отдаваясь другим без завета,
Без конца, всем безумством любви их любить
И не встретить ответа?

А. Н. Плещеев
(1825-1893)

УЧИТЕЛЬ

Он шел безропотно тернистою дорогой,
Он встретил радостно и гибель и позор;
Уста, вешавшие ученье правды строгой,
Не изрекли толпе глумящейся укор.
Он шел безропотно и, на кресте распятый,
Народам завещал и братство и любовь;
За этот грешный мир, порока тьмой объятый,
За ближнего лилась Его святая кровь.
О, дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий образ тот
О назначении великом человека
И волю спящую на подвиг не зовет?
О, нет! Не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос истины корысть и суета;
Еще настанет день... Вдохнет и жизнь и силу
В наш обветшалый мир учение Христа!

МОЛЬБА

И к небу взор поднявши свой,
Они, исполнены печали,
Из глубины душу больной,
Души измученной зывали:
„У нас на подвиг нету сил.
Исходит сердце наше кровью;
Неравный бой нас истомил:
Взгляни, взгляни на нас с любовью!
С глаголом мира на устах
Мы шли навстречу наших братьев,
Откуда ж их внезапный страх,
Откуда этот вопль проклятий?
Услышав нашу речь, они
Мечи хватали и каменья
И судьям, в диком озлобленье,
Кричали бешено: „Распни!“
Ужель вражду и злобу мы
В сердцах людей воспламенили
Лишь тем, что больше зла и тьмы
Добро и свет мы возлюбили?
Что призывали богачей
И сильных мира и свободных
Не гнать от трапезы своей
Нагих и сирых и голодных?
И вот, отвержены людьми,
Изнемогли мы в долгой битве.
О, Боже истины! Внемли
Гонимых чад Твоих молитве!
Сердца озлобленных смягчи,
Открой слепым и спящим очи,
И пусть хоть бледные лучи
Блеснут в глубоком мраке ночи!“

ЛЕГЕНДА

Был у Христа-Младенца сад,
И много роз взрастил Он в нем
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплесть венок Себе потом.
Когда же розы расцвели,
Детей еврейских созвал Он;
Они сорвали по цветку, —
И сад был весь опустошен.
„Как Ты сплетишь теперь венок?
В Твоем саду нет больше роз!“
— Вы позабыли, что шипы
Остались Мне, — сказал Христос.
И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,
И капли крови вместо роз,
Чело украсили Его.

* * *

В суде он слушал приговор,
Его галеры ожидали;
Он был бедняк, и был он вор.
Неделю дети голодали;
И, нищетой удручена,
Глядела в гроб его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силам были ей, -
И поддался он искушенью:
Украл на хлеб семье своей.
И осуждение бесстрастно
Прочел ему синедрион;
Казалось, нищетой ужасной
Никто из них не поражен.
Пример не нов, да и напрасно
Жалеть - неумолим закон!
Лишь одному людское горе
Доступно было в этот мир,
Любовь в одном светилась взоре:
Глядел - и кроток и велик -
Среди безмолвной тишины
Христос распятый со стены...

В. Лихачев

„Блажен, кто верует: тепло тому на свете“.
Воистину блажен! Воистину тепло!
Блажен, кто миновал предательские сети,
Кого на мир смутить сомнение не могло;
Как ни жилось ему – легко иль тяжело,
Блажен, кто в вере тверд и прост, как просты дети.

Когда спокойны мы и счастливы, когда
Наделены от благ земных мы щедрой мерой,
Когда бегут от нас и горе и нужда,
О, как отрадно нам тогда, пылая верой,
От дум и дел земных отринуться порой
И к Богу вознестись воспрянувшей душой!

Но большей радости и большего нет счастья,
Как веру уберечь в дни скорби и ненастья,
Чтоб в тяжкий час, когда приходится терять
Все, чем была красна земная наша доля,
С нелицемерною покорностью сказать:
„Да будет, Господи, Твоя святая воля!“

Из: „Новая арфа“

* * *

Распни Его! Распни! Варраве дай свободу!
Вопила яростно толпа и ей в угоду

Позорно пролита была святая кровь
Того, Кто возвестил прощенье и любовь.

С тех пор прошли века. Свершилось искупление -
И озарило мир великое ученье:

Приявшему от нас и муки и хулы
Возносим мы теперь молитвы и хвалы.

Но тайно, внутренне, мы те же фарисеи!
Во мгле житейских дрызг заря живой идеи

Порою чуть блеснет-уж в трепетных сердцах
Испытываем мы смятение и страх.

А если прозвучит неожиданно и сурово
Отважного ума бичующее слово -

О, в те мгновения ретивы и дружны,
Безумно-яростной враждой ослеплены,-

Мы полчищу Варрав предать себя готовы,
Чтоб наложить на мысль безмолвия оковы:

Варравы нас тогда не устрашают - нет,
Мы перед истиной дрожим: нам страшен свет.

Из: „Христос в мировой поэзии“

САМАРЯНИН

Что есть любви еще в тебе,
Не поскупись и всю отдай.
Многообильный Божий мир
Любовью нищ из края в край.

Не выноси ее на торг
И с ней в палаты не ходи:
Наступит день - судьба пошлет
Тебе страдальца на пути.

Скажи ему: „Вот, мой кувшин,
А в нем для ран твоих елей,
Чем услужить еще могу
Тебе я в немощи твоей?“

Не жди, чтоб он благодарил.
Помог - и дальше от него.
Твой долг исполнен ли, о том
Спроси у сердца своего.

И, что останется любви
В кувшине, зря не выливай:
Многообилный Божий мир
Любовью нищ из края в край.

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ ПЕСНИ

из: „Ирландских мелодий“

Томаса Мура

(1779-1852)

1.

О, Боже, Ты - и жизнь, и свет всего творенья!
Ты - в ярком блеске дня, в улыбке звезд ночных.
На что ни взглянем мы в порыве умиления -
Ты, Господи, во всем, все дело рук Твоих!

Когда, склоняясь, день последний луч бросает,
Как бы из глубины чертогов золотых,
А небо жемчугом и яхонтом пылает,
Вся эта красота - создание рук Твоих!

Когда немая ночь лелеет сон природы
Крылами звездными и мраком тайн святых,
И нежится земля, и чутко дремлют воды, -
Вся эта благодать - создание рук Твоих!

Когда весна несет нам чары обновленья,
Не ты ли шлешь дары из тучных недр земных?
На что ни взглянем мы в порыве умиления -
Ты, Господи, во всем - все дело рук Твоих!

2.

Явись к нам, Господи, не в молниях Синая,
Не в гневном облике, в каком являлся Ты:
Явись, мерцанием таинственным смягчая
Огнеподобные черты!

Ты помнишь ночь, когда погибель египтянам
Твой светonosный столб на утро предвещал,
А Твой народ, без сна и отдыха, всем станом
Тебя, ликуя, воспевал!

О, Боже, если Ты исполнен гнева ныне,
Да не предстанем мы перед Твоим лицом:
Явись нам, Господи, как некогда в пустыне,
Не грозным - любящим Отцом!

3.

Когда в гнездо свое летит из клетки птица,
Не тешит взор ее гостеприимный кров
Манящих зеленью и свежестью лесов:
Небес и воздуха свободная жилища,
Она стремится ввысь, где и простор, и свет,
Где на пути ее земной преграды нет.

А ты, моя душа, стремись к своим селеньям,
Не ведая земных страстей и суеты,
Стезею вольною небесной чистоты:
Куда нет доступа греховным вожделеньям,
Там солнца Божьего незыблем яркий свет -
И там любви Его ко мне преграды нет.

А. А. Фет

(1820-1892)

Ночь тиха, по тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик.
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.

И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смиру и ладан.

Из: „Христос в мировой поэзии“

* * *

Когда кичливый ум, измученный борьбою
С наукой вечною, забывшись, тихо спит,
И сердце бедное одно с самим собою,
Когда извне его ничто не тяготит;

Когда безумное, но чувствами всеильно
Оно проведает свой собственный позор,
Бестрепетностью проникнется могильной
И глухо изречет свой страшный приговор, -

Страдать, весь век страдать бесцельно, безвозмездно,
Стараться пустоту наполнить и взирать,
Как с каждой новою попыткой глубже бездна,
Опять безумствовать, стремиться и страдать, —

О, как мне хочется склонить тогда колени,
Как сына блудного влечет тогда к Отцу.
Я верю вновь во все, — и с шопотом моления
Слеза горячая струится по лицу.

* * *

Не тем Господь могуч, непостижим,
Ты пред моим мятущимся сознанием,
Что в звездный день Твой светлый серафим
Громадный шар зажег над мирозданием.
И мертвецу с пылающим лицом
Он повелел блюсти Твои законы,
Все пробуждать живительным лучом,
Храня свой пыл столетий миллионы.
Нет, Ты могуч и мне непостижим
Тем, что я сам бессильный и мгновенный
Ношу в груди как оный серафим
Огонь сильнее и ярче всей вселенной.
Меж тем, как я, добыча суеты,
Игралище ее непостоянства,
Во мне он вечен, вездесущ, как Ты,
Ни времени не знает,
Ни пространства.

* * *

Когда Божественный бежал людских речей
И празднословий их гордыни,
И голод забывал и жажду многих дней,
Внимая голосу пустыни,
Его, взалкавшего, на темя серых скал
Князь мира вынес величавый:
„Вот здесь, у ног Твоих, все царства, — он сказал, —
С их обаянием и славой!
Признай лишь явное, пади к моим ногам,
Сдержи на миг порыв духовный,
И эту всю красу, всю власть Тебе отдам,
И покорюсь в борьбе неровной“.
Но Он ответствовал: „Писанию внимли:
Пред Богом Господом лишь преклоняй колени!“
И сатана исчез, и ангелы пришли
В пустыне ждать Его велений.

* * *

Чем доле я живу, чем больше пережил,
Тем повелительней стесняю сердца пыл,
Тем для меня ясней, что не было от века
Слов, озаряющих светлее человека:
„Всеобщий наш Отец, Который в небесах.
Да свято имя мы Твое блюдем в сердцах,
Да придет Царствие Твое, да будет воля
Твоя, как в небесах, так и в земной юдоли.
Пошли и ныне хлеб насущный от трудов,
Прости нам долг: и мы прощаем должников,
И не введи Ты нас, бессильных, в искушенье,
И от лукавого избави самомненья“.

К. М. Фофанов
(1862-1911)

Еще те звезды не погасил,
Еще заря сияет та,
Что озарила миру ясли
Новорожденного Христа...
Тогда, ведомые звездою,
Чуждаясь ропота молвы,
Благоговейною толпою
К Христу стекались волхвы...
Пришли с далекого Востока,
Неся дары с восторгом грез.
И был от Иродова ока
Спасен Властительный Христос.
Прошли века... И Он распятый,
Но все по-прежнему живой,
Идет, как истины глашатай,
По нашей пажити мирской.
Идет по-прежнему обильный
Святыней, правдой и добром,
И не поборет Ирод сильный
Его предательским мечом.

Из: „Пойдем за Ним“

Благодарю Тебя, Создатель,
За этот теплый блеск лучей,
За это солнце золотое,
За сень узорчатых ветвей.

Но это солнце часто тускло,
Но эти теплые лучи
В дни горя сердце нам пронзают
Как огненосные мечи!

А эта сень лесов густая
Не укрывает нищеты
И вместо сладких ароматов
Нам точат яд Твои цветы.

И все же, благостный Создатель,
Тебя хулой не оскорблю.
Люблю Тебя в твореньях света,
В Тебе творения люблю.

И как пчела к цветам душистым,
И как цветок к живому дню,
К Тебе стремлю мечты и очи,
И разум свой к Тебе клоню!..

ДВЕ ЖИЗНИ

Две жизни есть: одна, как океан безбрежный,
Широко разлилась, шумя вокруг меня.
Другая, как родник задумчивый и нежный,
Течет в душе моей, струясь и звеня.
И в первой суэта и зарево сражений,
Базаров пестрый шум; печальный человек
В ней ищет мудрости, забот и наслаждений
И раболепствует пред ней из века в век.
Но, гордая, она рабам своим не внемлет,
Сияя красотой божественных лучей,
Ничтожные дары с улыбкою приемлет
И смертного несет в загробный мир теней.
Иная жизнь во мне: незримая для ока.
Она цветет, полна задумчивой мечты,
И отразились в ней, как в зеркале потока,
И небо, и земля, и звезды, и цветы.
И эта жизнь растет в уединенье праздном,
И музыка ее в тиши слышна звучней,
Когда я не смущен кошмаром безобразным:
Ни жертвами борьбы, ни злобою людей.

Из: „Новая арфа“

ВОЛХВЫ

В сиянье звездном к дальней цели
Спешит усердный караван;
И вот, леса зазеленели,
Засеребрился Иордан,
Вот башни стен Иерусалима,
Громады храмов и дворцов, -
Но горний свет неугасимо
Зовет все дальше мудрецов.
Струит звезда над Палестиной
Лучи прозрачные свои...
Вот над уснувшей долиной
Гора пророка Илии.
Все ниже, ниже свет небесный,
Вот Вифлеем - холмов гряда...
И над скалой пещеры тесной
Остановилась звезда.
Лучи небесные погасли.
Янтарный отблеск фонаря
Чуть озаряет ложе - ясли
Новорожденного Царя.
Волхвами вещий сон разгадан,
Открылся Бог Своим рабам.
И смирну, золото и ладан
Они несут к Его стопам,
Младенец внемлет их рассказам.
Небесный луч им светит вновь:
В очах Христа - предвечный разум,
В улыбке - вечная любовь.

Из „Христос в мировой поэзии“

ГОЛГОФА

Я до утра читал божественную повесть
О муках Господа и таинствах любви,
И негодующая совесть
Терзала помыслы мои...
Чего мы ждем еще, какого откровенья?
Не подан ли с креста спасительный пример?
Зачем же прячешь ты под маскою сомненья
Клеймо порока, лицемер?
„Вождя! – взываешь ты, – учителя, пророка.
Я жажду истины, о, скоро ли рассвет?..“
Но ежели звезда затеплится с востока,
Пойдешь ли ты за мной вослед?

Пойдешь ли ты вослед со смирною и златом,
Затеpliшь ли Царю кадильные огни?
И, если станет Он на суд перед Пилатом,
Не закричишь ли ты: „Распни Его, распни!“
О, жалкий фарисей! В источник утешенья,
В родник целительной божественной любви,
Ты мечешь яростно каменья
И стрелы жгучие свои!
И в каждый миг Христа ты предаешь, как прежде,
Бичуешь под покровом тьмы
И в окровавленной одежде
Поешь кощунственно псалмы.
Разбей же, Господи, негодные сосуды,
Как пыль с одежд, стряхни предательскую сеть,
И на лобзание Иуды
Лобзаньем пламенным ответь.

Из: „Новая арфа“

ПРОРОК

Над обнаженной пустыней
Плывут, колеблясь, облака.
Лампады звезд на тверди синей
Зажгла незримая рука.
Храня безмолвие немое,
Небесный сумрак и земной
Царят в торжественном покое
Вокруг меня и надо мной.
Давно ли, гордостью палима,
Душа, прельщенная мечтой,
Стремилась в мир неукротимо
На подвиг чистый и святой?
Бичем язвительных созвучий
Порок ликующий казня,
Я вышел с проповедью жгучей...
Но не послушали меня.
Я простирал свои объятия
В порыве скорби и любви, —
В меня каменья и проклятья
Бросали ближние мои.
Раб малодушный и беспечный,
Бесплодно дар Твой расточив,
Я не откликнулся, Предвечный,
На Твой таинственный призыв.
Гонимый демоном сомнений,
Бежал я робко от людей,
И снова жажду откровений
Безбрежной благодати Твоей!
Но безответна ночь немая...
В пустыне сумрак гробовой,

Лишь звезды теплятся, мерца
На сводах тверди голубой.

„Библейские мотивы“

СУЕТА — СУЕТ

Закрыта Библия. Свеча едва мерцает.
В раздумьи горестном склонилась голова...
Душа моя скорбит, чело мое пылает,
И кто-то надо мной все громче повторяет
Библейские слова:

„Все суета сует! Промчится год за годом,
И канет без следа... Займется вновь заря,
И снова догорит, и род прейдет за родом,
И новые жрецы зажгут у алтаря
Лампады новые, и, трепетно горя,
Они осветят вновь забытые кумиры...
Развеются, как дым, державы и порфиры,
И слава и любовь промчатся, как мечта,
И все пройдет, как сон... Все — тлен и суета,
Все — суета сует!“ Медлительно и властно
Глухая льется речь, и возглас роковой
Звучит в моих ушах так грозно, безучастно,
Как ровный стук лопат над крышкой гробовой.
И ниже никну я печально головой,
И мыслью горестно: „Зачем же мы так страстно
Глядим в немую даль, страдаем и скорбим?
Пусть все пройдет, как сон, пусть все пройдет
как дым,
Но что нам до того?.. Пускай века нам дали
Лишь проблеск радости, лишь веянье печали,
Мы всеобъемлющим сознанием своим
В одно мгновение всю вечность обнимали...
Цари мгновения, мы все-таки царим!“

„Библиейские мотивы“

Когда душа стремится к Богу,
Скорбя в безрадостные дни,
Неизъяснимую тревогу
Самолюбиво не гони.

Пусть в дерзновеньи терпеливом
Зовет, „заблудшая“, Христа.
Ее молитвенным призывом
Освящены ее уста.

Она алтарь в тебе воздвигнет
И, вспыхнув жертвенным огнем,
Непостижимое постигнет
В изнеможении своем.

* * *

Белою ночью иду по дороге,
Белое небо сквозь ветки глядится.
Сердце усталое думой томится,
Вечною думой о Боге.

Он ли, Незримый, меня призывает,
Я ли к Нему возношуся очами?
Бледная даль голубыми лучами
Душу мою вдохновляет.

Средце трепещет в священной тревоге,
Весь я охвачен духовною жаждой...
Лес очарованный веткою каждой
Шепчет мне, шепчет о Боге.

ПРОРОК ИОАНН

Был человек от Бога,
Он звался Иоанн
И Господом был послан
Вселенной возвестить
Свидетельство о Свете.
Как пламенная нить,
Он должен был во мраке
Блеснуть и промелькнуть, -
Он не был свет, но, Свету
Прямой готовя путь,
Он был Его предтечей,
И вера в Божество
В сердца всех человеков
Сошла через него.
Он был зарею Света...

Из „Христос в мировой поэзии“

Д. С. Мережковский
(1866-1941)

НЕ НАДО ЗВУКОВ

Дух Божий веет над землею.
Недвижен пруд, безмолвен лес;
Учись великому покою
У вечерающих небес.

Не надо звуков: тише, тише,
У молчаливых облаков
Учись тому теперь, что выше
Земных желаний, дел и слов.

(Том XXII)

БОГ

О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, - Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...

Пускай мученья мне грозят, -
Благодарю за этот миг,
За все, что сердцем я постиг,
О чем мне звезды говорят...

Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь, - в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.

Я Бога жаждал и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, -
Я средцем чувствовал Тебя.

И Ты открылся мне: Ты - мир,
Ты - все. Ты - небо и вода,
Ты - голос бури, Ты - эфир,
Ты - мысль поэта, Ты - звезда...

Пока живу - Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой.
Когда умру - с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей.

Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала.
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю!..

* * *

О, если бы душа полна была любовью,
Как Бог мой на кресте — я умер бы любя.
Но ближних не люблю, как не люблю себя,
И все-таки порой исходит сердце кровью.

О, мой Отец, о, мой Господь,
Жалею всех живых в их слабости и силе,
В блаженстве и скорбях, в рожденьи и могиле.
Жалею всякую страдающую плоть.

И кажется порой — у всех одна душа,
Она зовет Тебя, зовет и умирает,
И бредет в шелесте ночного камыша,
В глазах больных детей, в огнях зарниц сияет.

Душа моя и Ты — с Тобою мы одни.
И смертною тоской и ужасом объятый,
Как некогда с креста Твой Первенец Распятый,
Мир вопиет: Лама! Лама! Завахфани.

Душа моя и Ты — с Тобой одни мы оба,
Всегда лицом к лицу, о, мой последний Враг.
К Тебе мой каждый вздох, к Тебе мой каждый шаг
В мгновенном блеске дня и в вечной тайне гроба.

И в буйном ропоте Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю: Ты и я одно и то же,
И вопию к Тебе, как сын Твой: Боже, Боже.
За что оставил Ты меня?

(Том XXII)

СТРАШНЫЙ СУД

Я видел в вышине на светлых облаках
Семь грозных ангелов, стоявших перед Богом
В одеждах пламенных и с трубами в руках.
Потом еще один предстал в величьи строгом,
Держа кадильницу на золотых цепях;
Горстями полными с улыбкой вдохновенной
На жертвенный алтарь бросал он фимиам,
И благовонный дым молитвою смиренной,
Молитвой праведных, вознесся к небесам.
Тогда кадильницу с горящими углями
Десницей гневною на землю он поверг, —
И в тучах молнии блеснули, день померк,
И преисподняя откликнулась громами.
Семь ангелов, полны угрозой величавой,
Взмахнули крыльями, и первый затрубил, —
И пал на землю град, огонь и дождь кровавый,
И третью часть лесов дотла испепелил.
Под звук второй трубы расплавленная глыба
Была низринута в морскую глубину:
Вскипела треть пучин, и в них задохлась рыба,
И кровь, густая кровь, окрасила волну.
И третий затрубил, и с грохотом скатилась
На царственный Евфрат огромная звезда,
И в горькую полынь внезапно превратилась
В колодцах и ключах студеная вода.
Четвертый затрубил, — и в воздухе погасла
Треть солнечных лучей и треть небесных тел;
Как над потухшими светильнями без масла,
Над ними едкий дым клубился и чернел.

Откинув голову, с огнем в орлином взоре
Блестящий херувим над миром пролетел
И страшным голосом воскликнул: „горе, горе!..“
И пятый затрубил, и слышал я над бездной,
Как шум от колесниц, несущихся на бой;
То в небе саранча, гремя броней железной
И крыльями треща, надвинулась грозой.
Вождем ее полков был мрачный Аваддона;
Дома, сады, поля и даже гладь морей
Она покрыла все, и жалом скорпиона
Высасывала кровь и мозг живых людей.
И затрубил шестой, и без числа, без меры
Когорты всадников слетаются толпой
В одеждах из огня, из пурпура и серы
На скачущих конях со львиной головой;
Как в кузнице меха, их бедра раздувались,
Клубился белый дым из пышущих ноздрей;
Где смерч их пролетал, — там молча расстилались
Кладбища с грудами обугленных костей.
Седьмой вознес трубу: он ждал, на меч склоненный,
Он в солнце был одет и в радуге стоял;
И две его ноги — две огненных колонны,
Одной — моря, другой он землю попирает.
И книгу развернув, предстал он в грозной силе.
Как шум от многих вод, как рев степного льва,
Звучали ангела могучие слова,
И тысячи громов в ответ проговорили.
Тогда мне голос был: „Я — Альфа и Омега,
Начало и конец, я в мир грядущу! аминь“.
Гряди, о Господи!
Как воск, как хлопья снега,
Растает пред Тобой гранит немых твердынь.

Как женщина в родах, природа среди пыток
В последний час полна смертельною тоской,
И небо свернуто в один огромный свиток,
И звезды падают, как осенью избыток
Плодов, роняемых оливою густой.

(Том XXII)

* * *

Блажен, в чьем сердце мир глубокий,
Кто верит в Бога и людей,
Кто никогда, от зла далекий,
Не лгал пред совестью своей.

Он не один под небесами.
На каждый дружеский привет
Природа всеми голосами
С любовью шлет ему ответ.

Но Божьих звезд любовный взор,
Улыбка неба голубого
Для сердца темного и злого
Живой мучительный укор.

„Новая арфа“

МОЛИТВА О КРЫЛЬЯХ

Ниц простертые, унылые,
Безнадежные, бескрылые,
В покаянии, в слезах, —
Мы лежим во прахе прах,
Мы не смеем, не желаем,
И не верим, и не знаем,
И не любим ничего.
Боже, дай нам избавленья,
Дай свободы и стремленья,
Дай веселья Твоего.
О, спаси нас от бессилья,
Дай нам крылья, дай нам крылья,
Крылья духа Твоего!

(Том XXII)

* * *

Если розы тихо осыпаются,
Если звезды меркнут в небесах,
Об утесы волны разбиваются,
Гаснет луч зари на облаках,
Это смерть — но без борьбы мучительной;
Эта смерть, пленяя красотой,
Обещает отдых упоительный —
Лучший дар природы всеблагой.

У нее, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтоб с улыбкой кроткой и торжественной
Свой конец безропотно встречать.

(Том XXII)

„Христос воскрес“ поют во храме;
Но грустно мне... Душа молчит:
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек,
И если б здесь в блестящем храме
„Христос воскрес“ Он услышал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!

Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, —
О лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: „Христос воскрес!“
И нам ответят все народы:
„Христос воистину воскрес!“

ПРОРОК ИЕРЕМИЯ

О, дайте мне родник, родник воды живой!
Я плакал бы весь день, всю ночь в тоске немой
Слезами жгучими о гибнущем народе.
О, дайте мне приют, приют в степи глухой!
Покинул бы навек я край земли родной,
Ушел бы от людей скитаться на свободе.
Зачем меня, Господь, на подвиг Ты увлек,
Открою лишь уста, в устах моих – упрек...
Но ненавистен Бог – служителям кумира.
Устал я проклинать насилие и порок;
И что им истина, и что для них пророк!
От сна не пробудить царей и сильных мира...
И я хотел забыть, забыть в чужих краях
Народ мой, гибнущих в позоре и цепях.
Но я не мог уйти – вернулся я в неволю.
Огонь в моей груди, огонь в моих костях...
И как мне удержать проклятье на устах?
Оно сожжет меня, но вырвется на волю!..

(Том XXII)

ДЕТИ

Увы, мудрец седой,
Как ум твой гордый пуст
И тщетен - пред одной
Улыбкой детских уст.

Твои молитвы - грех.
Но чужд страстей и битв,
Ребенка милый смех -
Священной всех молитв.

Родного неба весть -
Его глубокий взгляд,
Он рад всему, что есть,
Он только жизни рад.

Он с горной вышины,
Как ангел, к нам слетел,
От райской тишины
Проснуться не успел.

Душа хранит следы
Своих небесных грез,
Как сонные цветы
Росинки Божьих слез.

(Том XXII)

ЦВЕТЫ

Не рви, не рви цветов, но к ним чело склони.
Лелеет их весна и радует свобода.
Не разрушай того, что создает природа:
Прими их чистый дар, их аромат вдохни.
Они живут, как ты, но зло им недоступно.
О, радуйся тому, что осквернить не мог
Доныне на земле рукой своей преступной
Ты хоть один еще забытый уголок.
Слова людских молитв и суетны, и жалки.
Из ваших же сердец, не ведающих зла,
О, дочери земли, смиренные фиалки,
Возносится к Творцу безмолвная хвала!

* * *

И хочу, но не в силах любить я людей:
Я чужой среди них; сердцу ближе друзей -
Звезды, небо, холодная, синяя даль
И лесов, и пустыни немая печаль...
Не наскучит мне шум деревьев внимать,
В сумрак ночи могу я смотреть до утра
И о чем-то так сладко, безумно рыдать,
Словно ветер мне брат, и волна мне сестра,
И сырая земля мне родимая мать...
А меж тем не с волной и не с ветром мне жить,
И мне страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели навек мое сердце мертво?..
Дай мне силы, Господь, моих братьев любить.

(Том XXII)

ИЗГНАННИКИ

Есть радость в том, чтоб люди ненавидели,
Добро считали злом,
И мимо шли, и слез твоих не видели,
Назвав тебя врагом.
Есть радость в том, чтоб вечно быть изгнанником
И, как волна морей,
Как туча в небе, одиноким странником,
И не иметь друзей.
Блаженны вы, бездомные, томимые
Печалию земной.
Блаженны вы, презренные, гонимые
Счастливою толпой;
Прекрасна только жертва неизвестная,
Как тень, хочу пройти
И сладостна да будет ноша крестная
Мне на земном пути.
О, верь, твоё сокровище нетленное
Не здесь, а в небесах,
В твоём стыде – величье сокровенное,
Восторг – в твоих слезах.
Умри, как жил, лелея грезы нежные,
Не слыша дальних бурь,
И серафимов крылья белоснежные
Умчат тебя в лазурь!

„Новая арфа“

ПРИТЧА О БОГАТОМ

На ниве богача был урожай хлебов.
Он думал: „Некуда собрать моих плодов.
Как приготовить дом к такому урожаю?
А вот, что сделаю: все житницы сломаю,
Большие выстрою и соберу туда
Мой хлеб, мое добро, и я скажу тогда
Душе моей: душа простишь навек с тревогой,
Покойся, – у тебя лежит имения много,
На годы многие: гони заботы прочь,
Ешь, пей и веселись.“ – „Безумец, в эту ночь
Отнимут жизнь твою, – сказал Господь, –
Несчастный,
Кому останутся твой дом и труд напрасный?“

Из: „Христос в мировой мозаии“

Иона Брихничев, Москва 1912 г.

Л. А. Мей
(1822-1862)

ИСКУШЕНИЕ ХРИСТА

На горе первозданной стояли они,
И над ними кругом разлилися
Океаном лазурные выси,
А под ними земля вся в тумане, в тени,
И Один был блистательней неба:
Благодать изливалась из кротких очей,
И сиял над главою венец из лучей.
А другой был мрачнее эреба:
Из глубоких зениц вылетали огни,
На челе его злоба пылала,
И под ним вся гора трепетала.
И сказал сатана Иисусу: „Смотри!
От заката светил до востока,
Землю всю, во мгновение ока,
Покажу я Тебе“...
И десницу простер...

- „Падши ниц, поклонись и отдам все сполна
Я Тебе...“ - говорит искушитель.
Отвечает Небесный Учитель:
„Отойди, отойди от Меня, сатана!“

НАГОРНАЯ БЕСЕДА

Узрев народ, Учитель сел
На холм, возвышенный средь поля;
По манию его руки
К Нему сошлись ученики,
И Он отверз уста, глаголя...
Не передать словам людей
Его божественных речей:
Нема пред ними речь людская...
Но весь народ, Ему внимая,
Познал и благ земных тщету,
Познал и мира суету,
Познал и духа совершенство:
Познал, что истое блаженство
Себе наследует лишь тот,
Кто духом нищ, кто слезы льет,
Кто правды алчет, правды жаждет,
Кто кроток был и незлобив,
Кто сердцем чист, миролюбив,
Кто от людей невинно страждет,
Кого поносят в клеветах
И злобным словом оскорбляют,
Кого за правду изгоняют:
Им будет мзда на небесах!..
...Гонимы были и пророки..
Людскую злобу и пороки
Он кротким словом обличал,
Он к покаянью призывал:
Зане созрело смерти семя
И настает и близко время,
Когда воскреснет бренный прах.

Когда все, сущие в гробах,
Глас Сына Божия из тлена
Услышав, снова оживут
Иль в жизнь нетленную, иль в суд...
Тогда восплачут все колена,
Женой рожденные, тогда
Померкнет солнце; мглой одета,
Луна не даст ночного света,
И за звездой спадет звезда,
И силы неба содрогнутся,
И с трубным звуком понесутся
По небу ангелы сзывать
Всех, Сыном Божиим избранных...
Он поучал – не избирать
Путей широких, врат пространных,
Вводящих в пагубу, – входить
В сень жизни узкими вратами
И трудно-тесными путями:
Не осуждать, благотворить,
Радеть о скорбных, неимущих,
Благословлять врагов клянущих
И ненавидящих любить.

СЛЕПОРОЖДЕННЫЙ

То были времена чудес,
Сбывались слова пророка:
Сходили ангелы с небес.
Звезда катилась от Востока:
Мир искупленья ожидал -
И в бедных яслях Вифлеема
Под песнь хвалебную Эдема
Младенец дивный воссиял,
И загремел по Палестине
Глас випиющего в пустыне.

Зачем к приморью Галилеи
По лону жгучему песков
Из горных сел и городов
Толпами сходятся евреи?
Пастух, рыбак и селянин,
И раб, и мытарь, и раввин,
И мать с младенцем, и вдовица.
И роза гор - отроковица,
И смолекудрая жена
Спешат пустынною дорогой...
Одетый ризою убогой,
В повое грубом полотна,
Идет слепец с толпой народа,
Усталый, бедный и худой,
Изнеможенный нищетой.
Он - вифсаидец. Мать - природа,
Ему злой мачехой была,
И на страданья облекла
Без облегченья, без прощенья:

Он слеп от самого рожденья...
Рос бездомным сиротой
В пыли, в песке степной дороги
Иль у порога синагоги,
На знойных плитах мостовой,
Он испытал по воле неба
Всю горечь нищенского хлеба,
Изведал с болью, как тяжка
Благодающая рука...
Немало грубых разговоров,
Намеков брани и упреков
Еще ребенком вынес он...
„Слепец! – евреи говорили: –
Отец и мать твои грешили –
И ты в грехах от них рожден!“

В грехах рожденный, наслажденья
Искать и жаждать ты не смей:
Ты – сын печали и скорбей,
Ты проклят в самый день рожденья
В утробе матери своей!
Он так и верил (неизбежно
С пелен поверить должен был)...
И тяжкий жребий безнадежно,
Но и безропотно сносил.

Теперь пустыню пробегает
Он за толпою, изнурен,
И худ, и бледен, и согбен.
Зачем идет, и сам не знает,
Пошла толпа, пошел и он...
Спросить не смел: на нем сызмладу
Лежит молчания искуc,

Но слышал он, в Тивериаду
Приплыл недавно Иисус
Из Назарета... Поучает
О Боге истинном народ,
Бесов молитвой изгоняет,
Недужным помощь подает
И проказанных очищает...

Зачем-то на берег морской
Песками знойными угорья
Евреи сходятся толпой.
Какое множество народа!
Гул голосов растет, растет
И заглушает постепенно
Однообразный говор вод...
Но вдруг все смолкнуло мгновенно,
И шумный берег онемел...
Узрев народ, Учитель сел
На холм возвышенный средь поля,
По манию Его руки
К нему сошлись ученики.
И Он отверз уста глаголя.
Не передать словам людей
Его божественных речей,
Нема пред ними речь людская...
Но весь народ, Ему внимая,
Познал и благ земных тщету,
Познал и мира суету,
Познал и духа совершенство,
Познал, что истое блаженство
Себе наследует лишь тот,
Кто духом нищ, кто слезы льет,
Кто правды алчет, правды жаждет,

Кто кроток был и незлобив,
Кто от людей невинно страждет,
Кого за правду изгоняют —
Им будет мзда на небесах!..
...Гонимы были и пророки..
Людскую злобу и пороки
Он кратким словом обличал,
Он к покаянию призвал:
Уже созрело смерти семя,
И настает, и близко время,
Когда воскреснет бренный прах,
Когда все сущие в гробах
Глас Сына Божия из тлена,
Услышав, снова оживут
Иль в жизнь нетленную, иль в суд..
Тогда восплачут все колена,
Женой рожденные, тогда
Померкнет солнце, мглой одето;
И за звездой спадет звезда,
И силы неба содрогнутся.
И с трубным звуком понесутся
По небу ангелы сзывать
Всех, Сыном Божиим избранных..
Умолк Божественный Учитель..
И вот, снедаемый стыдом,
Раввин, законов охранитель,
Поник зардевшимся челом,
Смутился книжник, фарисей
Повоев сделались белее,
И каждый мытарь волоса
Рвет на себе, и, не дерзая
Поднять свой взор на небеса,
Рыдает грешница младая...

Что чувствовал слепец, — в словах
Не может быть изобразимо...
Когда же шел Учитель мимо,
Слепец упал пред Ним во прах,
И, вдохновленный высшей силой,
Воскликнул с верою: „Равви,
Спаси страдальца и помилуй,
Во имя Бога и любви!“

Безумец! Слыхано ль от века,
Что б кто слепого человека
Мог исцелить от слепоты?
Но вера малых — их спаситель.
И подошел к нему Учитель...
И непорочные персты
Во имя Господа живого
В очах безжизненных слепого
Светильник зрения зажгли, —
И он, как первый сын земли,
Исполнен радости и страха
Восстал из тления и праха,
С печатью света на челе.
И потому, что верил много,
Узрел в предвечной славе Бога
На небесах и на земле.

А. Круглов

Не все равно, на что истратить сердца жар
И жизнь, нам данную от Бога;
Кому отпущено по воле неба много,
С того и взъщется за этот щедрый дар!
И горе тем избранныкам – пророкам,
С печатью неба на челе,
Которые, потворствуя порокам,
Пройдут соблазном по земле.
Кто призван быть светильником – да светит,
А не смущает малых сих.
Великому почет; но он ответил
За каждый грех сильнее других!

„Новая арфа“

Ты говоришь, что я останусь одинок
С моим, осмеянным давно, мировоззрением,
Что бурный жизненный поток
Своим стремительным теченьем
Подхватит и умчит мой маленький челнок.

Не беспокойся, друг! Ведь я не новичок,
Давно я плаваю и в бурях закалился...
Я пристань вижу, и поток
Не страшен, как бы он ни злился.
Я к пристани приду – приду не одинок:

Со мною будет Тот, Кто создал и поток,
И волю дал его мятежному теченью,
Кто направляет мой челнок.
И моему мировоззрению
Возникнуть и созреть в душе моей помог.

* * *

В том нет греха, что в разных книгах
Ты ищешь правды и Христа,
То видишь свет в посте, в веригах,
То вдруг пытливая мечта
Тебя властительно уносит
К далеким чуждым берегам.
В том нет греха... Кто в дверь стучится,
Духовной жаждою томим,
Тому сомнение простится,
И будет Бог отыскан им.
Суд ждет того, кто мысль о Боге
Заботой суетной убил,
О об „украшенном чертоге“
В душе тоски не пробудил.

„Новая арфа“

ХРИСТОС С ТОБОЙ

Ты здесь не одинок: верь глубоко душою,
Что Тот, Кто обещал: „Я с вами до конца“,
Кому открыты все и тайны, и сердца,
Всегда с тобою!

Когда ты к ближнему любвию горишь,
И с помощью идешь к страдающему брату
Не ит корысти, не за плату;
Когда бестрепетно о правде говоришь,
Не помнишь зла, к врагу не дышишь местью
И не возносишься кичливо пред толпой;
Когда в союз ты не вступаешь с лестью,
То знай и верь: Христос с тобой!

Когда глядишь на мир неомраченным оком,
Когда безгрешна мысль и речь твоя чиста,
Не меришься угодливо с пороком,
Не оскверняются хулой твои уста;
Когда твоей душе печаль других доступна
И не завидуешь ты радости чужой;
Когда далек всему, что злобно и преступно,
То знай и верь: Христос с тобой!

Когда, охваченный житейскими страстями,
Их голосу в безволеи подчиняясь,
Отдашь ты греху и делом и мечтами,
Не думай, что уже порвал ты с небом связь.
В сознании вины, с раскаяньем к подножью
Креста склонись покорной головой,
И выйдешь на борьбу опять с греховной ложью,
Христос останется с тобой!
Когда отчаянье всего тебя объемлет,
В душе царит глухая ночь,

Когда никто твоим рыданиям не внимлет,
Не хочет друг и брат тебе помочь,
Не оскорбляй небес сомнением и укором,
Но обратись к Тому с горячею мольбой,
Кто на тебя глядит с Голгофы кротким взором
И Кто всегда, всегда с тобой!

„Сборник религиозно нравственных стихотворений“
Москва 1905 г.

* * *

Лукаво выданный Своим учеником,
Он был жестокому подвергнут поруганью:
Увенчан тернием и предан бичеванью,
И осужден на смерть неправедным судом.
И был Он на кресте позорно пригвожден,
Обагрена земля божественною кровью;
Но с высоты креста изрек прощенье Он,
Учивший воздавать за зло любовью.
С тех пор столетия над миром протекли...
Во храме гимны мы Распятому возносим, —
И гоним истину, ее сынов поносим,
И распинаем тех, кто свет и соль земли!

„Христос в мировой поэзии“

Ф. И. Тютчев
(1803-1873)

Скудны все земные силы,
Когда рассвирепеет жизни зло,
И нам, как на краю могилы,
Вдруг станет страшно тяжело.

Вот в эти-то часы с любовью
О книге сей ты вспомяни,
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

НАШ ВЕК

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссушен,
Невыносимое он днесь выносит,
И сознает свою погибель он,

И жаждет веры – но о ней не просит.
Не скажет ввек с мольбою и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!

К. К. Романов

(1858-1915)

Когда, предвидя близкую разлуку,
Душа болит уныньем и тоской,
Я говорю, тебе сжимая руку:
Христос с тобой!

Когда в избытке счастья неземного
Забьется сердце радостью порой,
Тогда тебе я повторяю снова:
Христос с тобой!

А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!

Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о, друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой!

„Сборник стихов К. Р.“

Пусть эта книга священная
Спутница вам неизменная
Будет везде и всегда.

Пусть эта книга спасения
Вам подает утешение
В годы борьбы и труда.

Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,

Пусть в ваше сердце вливаются,
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

* * *

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь,

Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнется счастье вновь,
Благодарим ли с умилением,
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

„Новая арфа“

МОЛИТВА

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Своею пречистою кровью,
Бескорыстной, глубокой любовью,
Научи меня, Боже, любить!

* * *

Ты в жизни скорби и мучений
Не избалована судьбой,
И много бед и огорчений
Уже испытано тобой.

Душою кроткой и смиренной
В надежде, вере и любви
Переносила неизменно
Ты все страдания свои.

Своим безропотным терпеньем
Ты скорбь умела побороть,
Приемля все с благоговеньем,
Что посылал тебе Господь.

О, верь: старицею с годами
Вознаградится этот труд;
Не все ль, кто сеяли слезами,
Святою радостью пожнут?

* * *

Не говори, что к небесам
Твоя молитва недоходна:
Верь, как душистый фимиам,
Она Создателю угодна.

Когда ты молишься, не трать
Излишних слов; но всей душою
Старайся с верой сознавать,
Что слышит Он, что Он с тобою.

Что для Него слова? О чем,
Счастливый сердцем иль скорбящий,
Ты не помыслил бы, — о том
Ужель не ведает Всезрящий?

„Сборник стихов К. Р.“

О. Чумина

Я пал пред Господом в отчаяньи великом
И громко я взывал: – О, горе нам! Увы!
Погрязшие в грехе превыше головы,
Дерзаем мы предстать перед Господним ликом.

Еще со дней отцов презрели мы закон,
Угасли светочи, и мрак настал кромешный,
И предал Ты во власть языческих племен
Царей, священников и весь Израиль грешный.

Мы – в рабстве, но и тут Ассирии владык
Ты умягчил сердца и сжалился над нами,
И ныне мы сошлись под древними стенами,
Дабы из пепла вновь Иерусалим возник.

Но в частии своем и в тягостной неволе
К соблазну мы грядем в расставленную сеть.
Доколе, Господи и Боже наш, доколе
Деянья грешников намерен Ты терпеть?

Страшусь я, что придет конец долготерпенью...
Ты грянешь бурею карающей с высот,
И обречешь навеки истреблению
Мятежный род!

„Библейские мотивы“

МОЛЕНИЕ О ЧАШЕ

Когда один в полночной мгле,
С кровавым потом на челе,
Предчувствием смертельных мук томимый,
Молился Ты в тоске невыразимой
И к Господу взывал, колени преклоня:
„Ужели чаше сей не миновать Меня?“
В ту ночь, когда напрасно жаждал мира
Твой скорбный дух, измученный борьбой,
И близких не было в тяжелый час с Тобой.
Когда за грех великий мира
Безгрешной жертвою являлся Ты, Христос, —
Во тьме отчаянья и слез
Впервые занялась над рощей Гефсиманской
Заря любви и веры христианской.

В Своей борьбе, в Своей печали
Ты был один: все малодушно спали,
Кто бодрствовать хотел с Тобой.
И снова пред Отцом повергся Ты с мольбой,
И снова Ты взывал: „Но если невозможно,
Чтоб Мне не пить от чаши сей,
Пусть воля Господа свершится непреложно!“
А ночь была тиха; и над долиной всей
В сиянье звезд, в журчании потока,
В благоуханье роз и трепете листа,
Казалось, тайна разлита
Великая, — и с Тем, Кто одиноко
Молился и страдал в безмолвии ночном,
Казалось, что молилось все кругом.

И словно чуялось, как в чудном откровеньи
И близость мук, и сладость искупленья.
И в душу скорбную, томимую тоской,
Вновь снизошел божественный покой,
И с полным кротости укором,
И грустно Ты глядел Своим спокойным взором
На тех, кто бодрствовать с Тобою не могли,
И видел факелы, блеснувшие вдали.
Ты сознавал, как близилось и зрело
Чудовищно-неслыханное дело.
Но кончилась борьба. И без боязни Сам
Ты двинулся навстречу палачам,
Готовый грех людей омыть Своею кровью.
Ты видел тень Голгофского креста,
Но, побеждая зло всеильною любовью,
От чаши горьких мук не отвратил уста.

„Новая арфа“

Леонид Афанасьев

ИДИ ВПЕРЕД!

Иди вперед! Борись с судьбой!
Мужайся духом и не падай!
Пускай надежды луч живой
Во мраке жизни пред тобой
Сияет яркою лампадой!

Иди вперед! Не унывай!
Но, полный гордого терпенья,
Молись, трудися и страдай,
И от людей, как клад, скрывай
Свои тяжелые мученья.

Иди вперед! Сам Бог с тобой!
Он крест послал, Он даст и силы!
И пусть надежды луч живой
Тебе спасительной звездой
Осветит жизни мрак унылый!

* * *

Есть один очарованный храм,
Где молюсь я и ночью, и днем,
Но не свечи колышатся там,
А лучистые звезды – огнем.
Этот храм не велик и не мал,
И с годами в нем нет перемен,
Как и прежде топаз и опал
В нем сверкают с лазуревых стен.
Я люблю его мирную сень
И его бессловесную тишь,
Где молиться, как думать, не лень,
Где, страдая, покорно молчишь.
В этом храме таинственный Бог,
Как и в храмах других, мне незрим,
Но в стенах его, чуждых тревог,
Вечный дух мой сливается с Ним.

„Новая арфа“

МЕЧ

Суровый гнев души своей уйми!
Не проклинай – проклятьем сердце губишь!
Не осуждай – и осужден не будешь
Ни Богом, ни людьми!
Сдержи свой гнев, обидою рожденный!
Забидь про месть, и мечь свой обнаженный
Не подымай на брата сгоряча!
Поднявший меч погибнет от меча.

„Новая арфа“

ЗВЕЗДА ВИФЛЕЕМА

И вот свечерело... И ночь голубая
Раскинула плащ над снегами...
И вспыхнуло небо от края до края,
И вспыхнуло небо звездами.
Алмазы – не звезды! Но в россыпи звездной
Одна всех ясней, всех заметней,
Зажглась, как светильник над темною бездной,
И светит теплей и приветней.
Во мраке веков над далеким Востоком
Она в первый раз засияла,
Царям, и рабам, и вождям, и пророкам
Дорогу к любви указала.
Все тленно, все временно в суетном мире:
Погибнет и мудрость седая,
Погибнет богатство в кичливой порфире,
И сила погибнет живая.
Одно, лишь одно не изменится вечно,
Одно не погибнет на свете –
Любовь, та любовь, что как Бог бесконечна,
Что знают и старцы, и дети...
Она родилась в Вифлеемской пещере,
Зажглась, как звезда золотая,
Весь мир укрепляет в надежде и вере,
Зажглась и не меркнет сияя...
Без этой любви жизнь могилы темнее,
А светит она между нами.
И радость, и счастье рождаются с нею,
Над жизнью мерца звездами.

„Библейские мотивы“

Под тяжестью креста, за темный мир страдая,
Он шел в последний путь – Учитель Назорей;
Пред Ним лежал Сион, в сияньи дня блистая
Священной красотой и роскошью своей...
И шла за Ним толпа, безмолвием объята,
В неведении своем преступная толпа,
Предавшая Христа на суд земной Пилата,
К ученью Истины негаснущей слепа...
Мессия, Царь и Бог – Он был толпе неведом
В хитоне простоты и кротости святой:
Зачем не вел народ ко славе и победам,
Зачем не свергнул Рим, всевластною рукой!
Для гордых книжников, для взоров фарисея
Он, проповедуя, прощая и любя,
Был сыном плотника из дальней Галилеи,
Лишь имя Божие принявшим на Себя.
„Распи, распи Его. Вававве дай свободу!“ –
Им вторит весь народ... И внял ему судья,
И предал им Христа, сказав в ответ народу:
„Он вами осужден, виновны вы – не я!“
И пройден крестный путь... Голгофа... Совершилось...
И распят был Христос, страданием Своим
Исполнивши завет... И в мире искупилось
Все зло, вся тьма греха рассеялась, как дым.
С тех пор прошли века... Но мы увидим снова
Среди сынов вражды грядущего Христа:
Пройдет Он посреди смятения земного,
Но не под бременем Голгофского креста,
Нет, трепещи земля, поправшая так много
Заветов истины великой и благой!..
Придет к тебе Христос, но в грозной славе Бога,
Не всепрощающим Страдальцем, а Судьей.
„Новая арфа“

И. И. Козлов

(1779-1840)

Любовью дух горит к Тебе, Спаситель мой,
Не радостных небес желаньем увлеченный,
Не ада мрачными огнями уstraщенный
И не за бездны благ, мне данные Тобой.

В Тебе люблю Тебя: с любовью святой
Гляжу, как на кресте Сын Божий изнуренный
Висит измученный, висит изнеможенный,
Как тяжко умирал пред буйною толпой.

И жар таинственный мне в сердце проникает:
Без рая светлого пленил бы Ты меня,
Ты б страхом был моим без вечного огня.

Подобную любовь какая цель рождает?
Душа в любви к Тебе надежд святых полна,
Но так же и без них любила бы она.

„Новая арфа“

Услышь, Христос, мое моление,
Мой дух Собою озари
И сердца бурного волнение,
Как зыбь морскую, умири!
Меня не крест мой ужасает:
Страданье верою цветет,
Сам Бог кресты нам посылает,
А крест наш Бога нам дает.
Тебе вослед идти готовый,
Молю, чтоб дух мой подкрепил!
Хочу носить венец терновый:
Ты Сам, Христос, его носил.
О, дай, чтоб верою святою
Рассеял я туман страстей
И чтоб безоблачной душою
Прощал врагам, любил друзей;
Чтоб луч отрадный упования
Всегда мне в сердце проникал,
Чтоб помнил я благодеянья,
Чтобы обиды забывал...

М. Ю. Лермонтов
(1814-1841)

АНГЕЛ

По небу полуночи Ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез.
И звук его песни в душе молодой
Остался без слов, но живой.
И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

ПРОРОК

С тех пор, как Вечный Судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистие ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменя.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы – даром Божьей пищи.
Завет Предвечного храня
Мне тварь покорна там земная,
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.
Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
„Смотрите! Вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами.
Глупец, хотел уверить нас,
Что Бог гласит его устами!
Смотрите ж, дети, на него,
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден!
Как презирают все его.“

„Библейские мотивы“

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шуршит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной земного лепестка,

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль в утра час золотой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, -

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, -
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога...

А. С. Пушкин
(1799-1837)

СТРАННИК

I.

Однажды странствуя среди долины дикой,
Внезапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь, как больной:
Что делать буду я? Что станет со мной?

II.

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих,
И мысли мрачные хотел таить от них,
Но скорбь час от часу меня стесняла боле,
И сердце, наконец, открыл я поневоле.
„О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена,
Сказал я, ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом. Мучительное бремя
Тягчит меня. Идем! Уж близко, близко время!
Наш город пламени и ветрам обречен,
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище - а где? О горе, горе...“

III.

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь все плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе,
Они пришли ко мне, на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью, и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Все плакал и вздыхал, унынием тесним,
И, наконец, они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились,
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны и кому суровый нужен врач.

IV.

Пошел я вновь бродить – уныньем изнывая
И взоры вокруг себя со страхом обращая,
Как раб, замысливший отчаянный побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Бессонный труженик, влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор и спросил меня:
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: „Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный.
И вот о чем крушусь. К суду я не готов.

И смерть меня страшит“. „Коль жребий твой таков,
Он возразил, – и ты так жалок в самом деле.
Чего ж ты ждешь? Зачем не убежишь отселе?“
И я: „Куда ж бежать? Какой мне выбрать путь?“
Тогда: „Не видел ли твой взор чего-нибудь?“ –
Сказал мне юноша, вдаль указав перстом.
Я оком стал смотреть болезненно отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
„Иди ж, – он продолжал, – держись сего ты света,
Пусть будет он тебе единственная мета,
Доколе оных врат еще ты не достиг.
Ступай!“ И я бежать пустился в тот же миг.
Побег мой произвел в семье моей тревогу:
И дети, и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих.
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге.
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал,
Иные уж за мной гнались, но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей войти, оставя их места,
Спасения путем в таинственны врата.

Г. Р. Державин
(1743-1816)

БОГ!

О, Ты пространством бесконечный,
Живой в движенье вещества,
Теченьем времени предвечный,
Без лиц, в трех лицах Божества.
Дух, всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постич не мог,
Кто все Собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем - Бог!

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий -
Тебе числа и меры нет.
Не может дух наш просвещенный,
От Духа Твоего рожденный,
Исследовать судеб Твоих...
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает,
В Твоем величье исчезает,
Как вечности прошедший миг.

О чудо тайны сокровенной!
Из ничего Ты мир создал,
А вечность прежде дней вселенной
В Себе Самом Ты основал...
Себя Собою составляя,
Собою из Себя сияя, —
Ты свет, откуда свет истек:
Создавший все единым словом,
В творенье простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в Себе вмещаешь,
Ее скрепляешь и живишь,
Любви дарами осыпаешь,
И смертью жизнь Ты всем даришь.
Как искры сыпятся, стремятся,
Как твари от Тебя рождаются.
Тобой созданные, текут
По небу ярких звезд миллионы,
Твои они творят законы
И свет животворящий льют.

Как капля, брошенная в море,
Вся тварь перед Тобой сия,
Но что весь мир в его просторе
И что перед Тобою я?
В пространстве света необъятном
Миры умножу я стократно
В уме восторженном и то,
Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною,
А я перед Тобой — ничто!

Ничто! Но Ты во мне сияешь
Величием Твоих доброт,
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! Но жизнь я ощущаю.
И мысль, и чувство простираю
В пределы вечной высоты.
К Тебе душа моя пылает
И о Тебе лишь размышляет:
Я есть, конечно, есть и Ты...

Твое сознание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твое веленье положило,
Чтоб бездну смерти проходило
Мое бессмертное бытие.
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец, в бессмертие Твое.

Пути Твои непостижимы!
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать Твоей...
Но если славословить должно,
То слабым, смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
Твоей любовью наслаждаться
И, славя в сердце, слезы лить...

„Новая арфа“

П. А. Вяземский
(1792-1878)

Любить. Молиться. Петь. Святое назначенье
Души, тоскующей в изгнании своем,
Святого таинства земное выражение,
Предчувствие и скорбь о чем-то неземном,
Преданье темное о том, что было ясным,
И упование того, что будет вновь.
Души, настроенной в созвучие с прекрасным
Три вечные струны: молитва, песнь, любовь!

Счастлив, кому дано познать отраду вашу,
Что чашу радости и горькой скорби чашу
Благославлял всегда с любовью и мольбой,
И песне внутренней был арфою живой.

* * *

Все зыбко в жизни сей проточной,
Все тленью дань должно принести,
И радость быть должна непрочной,
И роза каждая отцвевает:
Что будет, - то в дали заочной,
И ненадежно то, что есть.
Одни молитвы не обманут
И тайну жизни изрекут,
И слезы, что с молитвой канут
В отверстый благостью сосуд,
Живыми перлами воспрянут
И душу блеском обовьют.

Нет, жизнь земная не ничтожна
В том мире, где правитель Бог,
Где познавать Его возможно,
Где есть молитва и восторг!
Нет, мы не жалкие творенья,
Когда нас Бог усыновил,
Дал разум, мысль, воображенье
И чувств огнем благословил!
Минут есть много незабвенных,
Есть много радостей святых!..
О, как счастлив, блажен тот миг,
Когда спокойство дум священных
И чистотой всех чувств своих
Свое начало пресвятое
Сознает радостно душа:
Ей жизнь легко и хороша,
Отраднo бытие земное,
И любит всех она и все;
Во всем ей духа проявленье;
Предчувствует под игом тленья
Она бессмертие своё!
Но чуждый веры упованья,
Тебе смешны мои слова,
А сам ты ищешь Божества,
Ты хочешь с Господом слиянья!
Так не бросайся в шум забот:
Не в жизни суетной, вседневной
Духовный мир душа найдет!

И не ропщи: не ропот гневный
Ответа небо не дает;
Оно молчит на обвинения!
Ты хочешь Бога проявления?..
Так не беги от Бога прочь!
Как кличет мать дитя в недуге,
Зови Его и день и ночь!
О Нем порою на досуге
Не рассуждай - зови Его
Всею силой сердца твоего;
Слезами, стонами страдания
Больной душой зови, зови -
И Бог потоками любви
И ярким светом упования
Наполнит душу - и она
От уз земных отрешена,
Получит на свое признание
Небес Божественных ответ...
С земли увидишь Горний свет!..

В. К. Кюхельбекер

(1797-1846)

Душа моя, ликуй и пой,
Наследница небес:
Христос воскрес, Спаситель твой
Воистину воскрес!
Так! Ад пред Сильным изнемог
Из гробовых вериг,
Из ночи смерти Сына Бог
И с Ним тебя воздвиг.
Из света вечного Господь
Сошел в жилище тьмы,
Облекся в перст, оделся в плоть -
Да не погибнем мы!
Неизреченная Любовь
Всех таинств высота!
За нас Свою святую кровь
Он пролил со креста.
Чистейшей кровию Своей
Нас, падших, искупил
От мук и гроба, из сетей
И власти темных сил.
Христос воскрес, Спаситель мой
Воистину воскрес.
Ликуй душа; Он пред тобой
Раскрыл врата небес!

В. Мюр

Он пришел, божественный Учитель
И глашатай братства и любви —
Он явился гибнувших Спаситель,
Средь людей, купавшихся в крови.

Тайный смысл страдания Христова
До поры никто понять не мог;
Но воскрес из мертвых Он и снова
Пламень веры гаснувшей зажег.

Он воскрес!.. И чудом воскресенья
Ободрил сердца учеников
В их ряды Он, полный всепрощенья,
Призывал гонителей — врагов.

Поучая смело и смиренно,
Всюду шла апостольская рать,
Что была готова вдохновенно
За Христа страдать и умирать.

Перед мощью проповеди этой
Мир склонялся, мир благоговел,
И язычник, истиной согретый,
К небесам любовью пламенел.

Что же ныне видим мы; пышнее
Украшенья Божьих алтарей,
Только верой стали мы беднее,
Только нет любви среди людей.

К. Д. Бальмонт
(1867-1942)

Господь! Господь! Я плачу и тоскую,
Тебе молюсь в вечерней мгле,
Зачем Ты даровал мне душу неземную
И... приковал меня к земле?

Я говорю с Тобой сквозь тьму тысячелетий,
Я говорю Тебе, Творец,
Что мы обмануты, мы плачем, точно дети,
И ищем, где же наш Отец?

Когда б хоть миг один звучал
Твой голос внятно,
Я был бы рад сиянью дня,
Но жизнь, любовь и смерть – все страшно непонятно
Все неизбежно для меня.

Велик Ты, Господи, но мир Твой неприветен,
Как все великое – он нем.
И тысячи веков напрасен, безответен
Мой скорбный крик: зачем, зачем?

НЕ БОЙСЯ ЖИЗНИ

„Не бойся жизни, - говорят мне, -
В том веление Христово“.
О, неправда! Это голос не Христа,
Нет, в Христе была живая красота.
Он любил, Он вечность влил в одно мгновенье.
Дал нам хлеб, и дал вино, и дал забвенье,
Боль украсил, смерть убил, призвав на суд.
Будем жить и будем пить вино минут!

„Христос с мировой поэзии“

А. С. Хомяков
(1804-1860)

Как часто во мне пробуждалась
Душа от ленивого сна;
Просилася людям и братьям
Сказаться словами она!
Как часто, о Боже, рвалась
Вещать Твою волю земле,
Да свет осияет разумный
Безумцев, бродящих во мгле!
Как часто бессильем томимый,
С глубокой и тяжелой тоской,
Молил Тебя дать им пророка
С горячей и крепкой душой!
Молил Тебя в час полуночи
Пророку дать силу речей,
Чтоб мир оглашал он далеко
Глаголами правды Твоей!
Молил Тебя с плачем и стоном,
Во прахе простерт пред Тобой,
Дать миру и уши и сердце
Для слушанья речи святой!

А. И. Полежаев

(1804-1838)

ГРЕШНИЦА

И говорят Ему: „Она
Была в грехах уличена
На самом месте преступленья,
А, по закону, мы ее
Должны казнить без сожаленья.
Скажи нам мнение Свое“.
И на лукавое воззванье,
Храня глубокое молчанье,
Он нечто, грустен и уныл,
Перстом Божественным чертил
И, наконец, сказал народу:
„Даю вам полную свободу
Исполнить праотцов закон;
Но где тот праведный, где он,
Который первый на блудницу
Поднимет тяжкую десницу?“
И вновь писал Он на земле...
Тогда с печалью поношенья
На обесславленном челе
Сокрылись дети ухищренья;
И пред лицом Его одна
Стояла грешная жена.
И Он с улыбкой благотворной
Сказал: „Покинь твою боязнь!
Где твой синедрион упорный?

Кто осудил тебя на казнь?“
Она в ответ: „Никто, Учитель!“
„Итак, и Я твоей души
Не осужу, – сказал Спаситель, –
Иди в свой дом и не греши!“

„Пойдем за ним“

В. Г. Бенедиктов

(1807-1873)

ДВЕ КНИГИ

2 Кор. 5, 17

Ты знаешь ли книгу? – Великий пророк,
Оставивши землю, на гордой твердыне
Из Божьего грома глаголы извлек
И создал завет непреложной святыни.
Сложил он им повесть о тайнах создания;
И мощно свершил он свой страшный обет,
И страшно вещал он глагол прорицанья.
Отгрянуло эхо в пустынных горах,
Откликнулись небу немые громады,
И весть пронеслася в земных племенах
О будущем мира глаголом отрады.
Ты знаешь ли чувство? Когда в тишине,
Склонясь над заветом о тайнах былого,
В каком-то священном, таинственном сне,
И реешь ты духом в тех пламенных днях,
Когда по единому слову миры созидались,
И звезды, ликуя, во тьме загорались,
И ангелы света, столпясь в вышине,
Смотрели на землю святыми очами!
И то ниспускались к сребристой луне,
То быстро неслись меж золотыми звездами,
Какими ж очами ты их созерцал?
Уже ль, озаренный неведомым светом,
Ты холодно книгу создания читал,
Не плакал отрадно над Ветхим Заветом.

Есть книга иная - то Новый Завет!
Сложен не из громов, а писанный кровью.
Он пролил на землю божественный свет,
И свет тот назвал Он любовью.
Кротка и печальна, проста и свята
Небесная повесть - то повесть страдания!
Не с горной твердыни, с твердыни креста
Услышали люди святые сказанья!
И слово, что древле миры за мирами
По тверди небесной, как ткань, разлило,
Сошло, воплотилось и тихо стопами
Любви и смиренья всю землю прошло.
Не поняли люди небесного слова,
Его пригвоздили к позору креста,
И тайна святая - свет мира иного -
Немногими только была понята.
Немногие вслед ему шли по дороге страдания
И с теплою верой по слову текли,
Смирялися духом, и терн испытанья
Венцам рукотворным они предпочли!
Есть чувство святое - когда пред крестом
Над Новым Заветом сидишь погруженный
В глубокую думу о мире другом,
О таинстве жизни, о жизни вселенной.
Когда пред тобою проходят во мгле:
Создание мира - завет ветхозданный,
И день, когда снова одряхшей земле
В сиянии неба сошел Обещанный.
И чудно свершился небесный обет,
И в сына земного Сам Бог воплотился,
Вещал человекам Свой новый завет,
И жизнь духа наш мир обновился.
Глаголы вещаний всю землю прошли,

Текло океаном священное слово;
Оно, как потоком, лилось по земле,
Омыло грех мира - и все было ново,
Духовные волны кипели кругом,
И мощно слилися в купель искупленья;
Поверглись люди во прах пред крестом,
И крест стал залогом спасенья.
И вольно стремится на небо душа,
Завет искупленья читая,
И тайна завета светла, хороша,
Как свет, как предчувствие рая.
И сладкие слезы стремятся из глаз,
И сердце трепещется жизнью вечной,
Когда мы читаем: страдал Он за нас.
И умер владыка любви бесконечной,
И адские двери Он мощно расторг,
И свет просиял воскресенья...
И душу объемлет священный восторг,
И душа полна вдохновенья.

„Новая арфа“

Е. Н. Миллер

Я не хочу веселия земного,
Ни грез о краткой призрачной любви.
Нет! Жаждет дух мой счастья иного,
И высоко летят мечты мои.
Идти на помощь страждущему брату,
Его тяжелый крест помочь нести,
Участьем в душу влить ему отраду
И поддержать на жизненном пути...
Идти к тому, кто Бога отрицает,
И научить его молиться и любить
Того, Кто всех заблудших призывает,
Кто может людям все грехи простить.
Вот цель. Для ней моей всей жизни мало,
Но много надо сил иметь в борьбе...
О, помоги достичь мне идеала,
Молюся жарко, Боже мой, к Тебе!

„Новая арфа“

ИЗ ПРОРОКА ЗАХАРИИ

Пророк! Ты призван Иеговой
К служенью правды на земле!
Так кинь же приговор суровый
Народу, гибнущему в зле!
Твой век пред Богом не преступен,
Твоя душа всегда чиста,
Ты духом бодр и не подкупен,
Тобою Божие уста
Глаголят Божьему народу,
Вещающая милость и невзгоду!
Пророк! Взгляни на свой народ
И зри смятенною душою —
Своею лживою красою
Его нечестие гнетет,
И близок он к паденью снова,
И грозен гневный Иегова!
Иди ж, пророк, ты в царство лжи
И всем безумцам укажи,
Что кара тяжкая в грядущем
Ниспослана им Всемогущим!

„Библейские мотивы“

3. Гишпиус

СООБЩНИКИ

Ты думаешь, Голгофа миновала,
При Понтии Пилате пробил час,
И жизнь уже с тех пор не повторяла
Того, что быть могло – единый раз?
Иль ты забыл? Недавно мы с тобою
По площади бежали второпях,
К судилищу, где двое пред толпою
Стояли на высоких ступенях.
И спрашивал один, и сомневался,
Другой молчал, – как и в былые дни.
Ты все вперед, к ступеням порывался...
Кричали мы: Распни его, распни!
Шел в гору Он – ты помнишь, без сандалий...
И ждал Его народ из ближних мест.
С молчавшего мы там одежды сняли
И на веревках подняли на крест.
Ты, помню, был на лестнице, направо...
К ладони узкой я приставил гвоздь.
Ты стукнул молотком по шляпке ржавой, –
И вникло острие, не тронув кость.
Мы о хитоне спорили с тобою,
В сторонке сидя, у костра, вдвоем...
Не на тебя ль попала кровь с водою,
Когда ударил я Его копьем?
И не с тобою ли у двери гроба
Мы тело сторожили по ночам?

Вчера, и завтра, и до века, оба -
Мы повторяем казнь - Ему и нам.

„Христос в мировой поэзии“
И. Брихничев, Москва 1912 г.

С. М. Соловьев

(1820-1879)

ОТРЕЧЕНИЕ

К костру подсел он, руки грея.
Лицо зажег багряный свет.
„И ты сотрудник Назорея?
И ты из галилеян?“ - „Нет“.

Ночь холодна и месяц светел.
Первосвященнический двор
Вдруг огласил рассветный петел.
Прислуга спит. Сгорел костер.

Где Иоанн и где Иаков?
Где все? Он вышел. Даль пуста.
И вспомнил, горестно заплакав,
О предсказании Христа.

„Христос в мировой поэзии“
И. Брихничев, Москва 1912 г.

Вл. С. Соловьев

(1853-1900)

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

Пусть все поругано веками преступлений,
Пусть незапятнанным ничто не сбереглось,
На совести укор сильнее всех сомнений,
И не погаснет то, что раз в душе зажглось.

Великое не тщетно совершилось:
Не даром средь людей явился Бог;
К земле не даром небо преклонилось,
И распахнулся Вечности Чертог.

В незримой глубине создання мирового
Источник истины живет, не заглушен,
И над руинами позора векового
Глагол ее звучит, как похоронный звон.

Родился в мире Свет, и Свет отвергнут тьмою,
Но светит Он во тьме, где грань добра и зла.
Не властью вышнюю, а правдою самую
Князь века осужден и все его дела.

„Христос в мировой поэзии“

Н. В. Т.

Среди нужды, среди лишения,
Среди страдания и тоски
Отрадно верить в смысл ученья,
Что человек лишь горсть земли.

Что здесь в стране невзгод, ненастья,
На месте плача и скорбей
Безумны поиски все счастья,
Смешны желанья ясных дней.

Но что за рядом испытаний,
Надежд обманутых и мук
Есть мир иной – мир упований,
Где успокоится наш дух.

Лишь там в обители небесной
Свое блаженство он найдет,
Лишь там при звуках райской песни
Задачу горя он поймет.

„Новая арфа“

В. В. Жуков

Вражду житейскую рассеяв,
Смиранный, кроткий, Он входил
В столицу древних иудеев
И всех в единое сплотил.

И бросив дом, во время оно,
К Нему на встречу из ворот
Порабощенного Сиона
С восторгом вышел весь народ.

Свершилось чудо, и неожиданно
Отверзлись детские уста,
И Избавителя Христа
Встречали возгласом: „Осанна!“

Прошли минуты торжества,
Как летом тучи с небосвода,
Но яркий светоч Божества
Сиял средь грешного народа.

За души, верящих в Ваал,
За мир, погибший от разврата,
Смиранный, кроткий, Он предстал
Пред очи грозного Пилата.

Забыты радостные дни,
И в это время тот же самый
Народ, неистово упрямый,
Кричал: „Распни Его, распни!“

„Новая арфа“

И будет, Божьи дети встанут
И все придут к лицу Христа.
О, как тогда хвалой воспрянут
В сердечной радости уста.
И юноши, и старцы, дети -
Все облеченные в виссон
С ветвями пальмы, в чудном свете
Тогда стекутся на Сион.

Господь обрадует и примет
Своих возлюбленных детей;
С них поношение Он снимет
И слезы их сотрет с очей.
Там плача никогда не будет
В той дивной родине святой,
Но каждый скорби все забудет,
Благословляя жребий свой.

Там уж никто ни мук, ни боли
Не причинит им никогда,
И тот, кто был гоним в неволе,
Освободится навсегда.
Там нет и призрака страданья,
И смерть вовеки не придет:
Там свет Господнего сиянья
Не помрачится, не зайдет.

Они не будут уж томиться,
Не поразит их большие зной,
Но будут вечно веселиться,
Как сад, упитанный водой.
И светом ярким освещает
Господь там избранный народ,
Он утомленных напояет
Живым потоком тихих вод.

Он им на пажитях прекрасных
Покой от всех трудов пошлет;
Для них в селеньях безопасных
Там радость над главою взойдет.
Они, как камни, воссияют
В венце Владыки своего
И, как светила, заблистают
Во веки на земле Его...

„Новая арфа“

М. А. Лохвицкая

МОЛИТВА О ГИБНУЩИХ

О, Боже праведный!
Внемли молению
За души гибнущих
Без искупления!
За всех тоскующих,
За всех страдающих,
К Тебе стремящихся,
Тебе незнающих.
Не вам, смиренные,
Чья жизнь - молчание,
Молю покорности
И упования.
Вам, духом кроткие,
Вам, сердцем чистые,
Легки и радостны
Пути тернистые.
Но вам, мятежные,
Глубоко павшие,
Восторг с безумием,
И злом смешавшие,
За муки избранных,
За боль мгновения -
Молю познания
И откровения!

А. Пальмин

ГОЛОС ИЗ ВЬЮГИ

В столах ветра и бури, во мраке ночном,
В тьме рокошущей вьюгою снежной,
Чей-то голос мне слышится все за окном,
Голос мощи, но с ласкою нежной.
Слышу вещий глагол я, как будто в бреду,
Сквозь порывы метели рыдающей:
Я иду! Я иду! Я иду!
Бедный люд горемычный, страдающий
В муках жизни, как будто в аду -
Жди и верь: Я иду! Я иду!
Ты, затерянный в мраке забвенья,
Ты, задавленный игом мученья, -
Через бури, туманы и тьму
Я к порогу иду твоему!
Ты, утративший все упования,
Ты, с невольной печатью молчанья
На запекшихся бледных устах!
Все я вижу и слышу впотьмах:
Твой недуг, и печаль, и рыданья!
Жди, иду Я на помощь, мой брат,
Мимо гордых высоких палат,
Мимо храмов, блистающих славой,
Где главу лицемерно клоня,
Распиная Меня,
Левой душат, но крестятся правой!

Нет, мой брат, не бесследно текли
Кровь и слезы для мира незримые,
Что струилися в лоно земли!
Ох, несчастные! Ох, вы гонимые,
Вас укрыть от Меня не могли!
Слышу, вижу тебя Я, страдающий,
И к порогу иду твоему,
В полночь в столах метели рыдающей,
Я иду через бурю и тьму!

„Пойдем за Ним“

Ю. В. Жадовская
(1824-1883)

КТО МНЕ РОДНЯ

Покрытый ранами, поверженный во прах,
Лежал я при пути в томленье и слезах
И думал про себя в тоске невыразимой:
„О, где моя родня, где близкий, где любимый?“
И много мимо шло... Но, что ж, никто из них
Не думал облегчить тяжелых ран моих;
Иной бы и желал, да в даль его манила
Житейской суеты губительная сила;
Иных пугал вид ран и мой тяжелый стон...
Уж мною овладел холодной смерти сон,
Уж на устах моих стенанья замирали,
В тускнеющих очах уж слезы застывали...
Но вот пришел один, склонился надо мной
И слезы мне отер спасительной рукой.
Он был неведом мне, но полн святой любовью,
Текущею из ран не погнушался кровью.
Он взял меня с собой и помогал мне сам,
И лил на раны мне целительный бальзам,
И голос мне сказал в душе неотразимый:
„Вот кто родня тебе, кто близкий, кто любимый...“
„Пойдем за Ним“

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Он взял с Собой Петра на гору
И Зеведеевых сынов.
Страна была открыта взору, -
Но что им виды городов!
Здесь лик Его, здесь лик Мессии
Светлее лета и лучей!
Пред светом сим - они в бессильи.
Что может быть еще светлей!
Простые Господа одежды
Оснежились, как снег, белы;
И зрители открыли вежды:
Так вот она победа мглы!
В долинах - вопли и печали,
Здесь - царство славы и лучей;
И вдруг во славе той предстали
Два: Илия и Моисей.
Картина!.. Дивная картина
Грядущих дней на небесах,
Когда прославят Божья Сына
Те, кто теперь повержен в прах!
И Симон-Петр, избранный камень,
Тот, кто как пламень был горяч,
Сказал, стоя с учениками:
„Господь! Ты царство здесь назнач!
Ах, хорошо нам быть во свете, -

И мы три кущи создадим,
Чтоб были вечно кущи эти
Тебе и двум пророкам сим!“
Но голос Симона в испуге
Был прерван: он напрасным был.
Вот, с облаков, в лучистом круге,
Их свет небесный осенил!
Вот голос Бога милодержца,
Глаголющий из облаков.
Смирися, человечесь сердце,
Пред повеленьем властных слов!
Сей светлый - Сын Единородный
Всесовершенного Отца!
О, племена земли бесплодной,
Ему отдайте все сердца!
В Нем Отчее благоволенье,
Его лишь слушать вы должны,
Его небесное ученье
Для вас, сыны земной страны!
И пали люди ужаснувшись,
Пред чудом, светом и Творцом...
Христос позвал их, прикоснувшись:
„Не бойтесь, встаньте и пойдем!“

А. Озеров

ВЕРНОЕ ВРАЧЕВСТВО

Молись в день радужного счастья,
Пред трудным подвигом молись!
Молись, когда грозит ненастье,
Когда смущаешься, молись!
Молись, когда слабеют силы,
Когда возносишься, молись!
Молись у дорогой могилы,
За жизнь рожденного молись!
Молись в минуту искушенья,
Коль победил себя, молись!
Молись в предсмертное мгновенье,
Чтоб Бог тебя простил, молись.

„Сборник религиозно-нравственных стихотворений“
Москва 1905 г.

С. Киснемский

Лежит Он в яслях тих, прекрасен,
С улыбкой дивной на устах,
И Божий промысел так ясен
В Его Божественных чертах.
Пред Ним в раздумии глубоком
Сидит Его Святая Мать
И зрит в чертах духовным оком
Страданий будущих печать!..
И в этот час Его рожденья,
Великой ночи поздний час,
Раздался с неба трубный глас
И хора ангельское пенье.
То хоры ангелов толпой,
Слетевши к Божьему чертогу,
Запели: „Слава в вышних Богу“, -
И песни дивной и святой
Природа чуткая внимала
И вся, казалось, трепетала,
Исполняясь радостью живой.

* * *

Если жизнь не красна, если горе какое
Западет в наболевшую грудь,
И забьется твое ретивое, -
Помолиться тогда не забудь.
Если горе пройдет и настанут дни счастья
И осветится солнышком путь,
То, забывши минуты ненастья,
Помолиться, смотри, не забудь.

„Сборник религиозно-нравственных стихотворений“
Москва 1905 г.

ЧУДО ИЗ ЧУДЕС

Что смущаешься напрасно,
Отвергая чудеса?
Посмотри, как даль прекрасна,
Как лазурны небеса...
Посмотри на эти тучки,
Что несутся вдалеке,
На поля и лес могучий,
Отраженный в той реке.
Оглянись на эти горы:
Исполинскою грядою
Нам они чаруют взоры
Величавой красотой...
Посмотри на это море, —
Словно дышит океан...
В нем несутся на просторе
Корабли различных стран.
Темносинею волною
Берега ласкает он,
Или бьет их бурей злою,
Ураганом возмущен...
Посмотри на эти нивы
И зеленые сады,
Где работник терпеливый
Положил свои труды...
Ты послушай пташки пенье,

Дальний колокола звон -
И возбудит умиление
У тебя на сердце он...
Кто ж создал все это дивно,
Кто всех этих благ Творец?
Тот, Кто зиждет непрерывно,
Кто начало и конец...
Не смущайся, маловерный,
И стремись душой к Тому,
Кто любви Своей безмерной
Жизнь дал сущему всему...
Отгони свои сомненья:
Все, - от моря до небес,
Человек и все творенья -
Божье чудо из чудец...

ВСЕВЕДЕНИЕ БОЖИЕ

Господи, Ты издали взираешь
На думу тайную мою,
Но испытал меня и знаешь.
Когда сажусь, или встаю,
Иду ли в путь, иль отдыхаю,
Иль погружусь в глубокий сон,
Иль труд тяжелый совершаю —
Тобой я всюду окружен.
Мысль зреет в сердце сокровенно,
Еще нет слов ее сказать,
Но Ты уж знаешь совершенно,
Что я намерен передать.
Напрасно я стремлюсь постигнуть
Законы мудрых дел Твоих,
Нет, этой бездны не достигнуть
Ни одному из всех живых:
Ты нити жизни и мышленья,
Основу тела и костей
Соткал еще до дна рожденья
В утробе матери моей...
Нигде мне в тайне не укрыться,
Не избежать Твоих очей:
Решусь ли в глубь земли спуститься,
Иль в небо дальнее стремиться
На крыльях солнечных лучей,

Или одеться тьмою ночи,
Чтобы ничьи людские очи
Меня не видели, - но Ты
Везде мне встретишься, сияя,
И руку силы простирая
За грани мысли и мечты.

А. Н. Майков
(1821-1897)

Блажен, кто сохранил еще знаменованье
Обычаев отцов, их темного преданья,
Ответствовал слезой на пение псалма;
Кто, волей оторвав сомнения ума,
Святую Библию читает с умилением.

ЧЕМУ НАС УЧАТ НЕБЕСА

Смотри, смотри на небеса,
Какая тайна в них святая
Проходит молча и сияя
И лишь настолько раскрывая
Свои ночные чудеса,
Чтобы наш дух рвался из плена,
Чтоб в сердце врезывалось нам,
Что здесь лишь зло, обман, измена,
Добыча смерти, праха, тлена,
Блаженство вечное лишь там.

ТИХАЯ ПРИСТАНЬ

Страшно бушует житейское море!
Буйные волны качают ладью...
В ужасе смертном, в отчаянном горе,
Боже мой, Боже, к Тебе вопию.
Сжался над нами! Спаси и помилуй.
С первых дней жизни доселе – борюсь,
Дальше бороться нет уже силы...
Сжался, помилуй! – Тебе я молюсь! –
К пристани тихой Твоих повелений
Путь мой направь, и меня успокой...
Ты среди всяких житейских волнений
Путеводитель, Спаситель Ты мой!

„Сборник рел.-нравств. стихотв.“, Москва 1905 г.

А. М. Жемчужников
(1821-1908)

На утренней заре духовной жизни
Я возлюбил учение Христа
И мыслию и сердцем умиленным
В те грубые бесправья времена
Один Христос смягчал людское сердце.
Он юного меня учил любить
Трудящихся и всех обремененных...
Чем был бы я на старости - как знать!
Когда б в те дни Евангельского Слова
Не снизошла мне в сердце благодать.

ПРИТЧА О СЕЯТЕЛЕ И СЕМЕНАХ

Шел сеятель с зернами в поле и сеял;
И ветер повсюду те зерна развеял.
Одни при дороге упали; порой
Их топчет прохожий небрежной ногой,
И птиц, из окрестных степей, пролетая,
На них нападает голодная стая.
Другие на камень бесплодный легли,
И вскоре без влаги и корня взошли, —
И в пламенный полдень дневное светило
Былинку палящим лучом иссушило.
Средь терния пало иное зерно,
И в тернии диком заглохло оно...
Напрасно шел дождь, и с прохладной зарею
Поля освежались небесной росой;
Одни за другим проходят года, —
От зерен тех нет и не будет плода.
Но в добрую землю упавшее семя,
Как жатвы настанет урочное время,
Готовя стократно умноженный плод,
Высоко, и быстро, и сильно растет,
И блещет красою и жизнью дышит...
Имеющий уши, чтоб слышать, да слышит!

МОЛИТЕСЬ

Бывают дни - теснит и давит
Тоской измученную грудь.
Но верь: премудрость миром правит,
Свершай безропотно свой путь!
Когда тяжелой жизни битвой
Твоя душа удручена,
Молись сердечною молитвой, -
И успокоится она.
Молись Христу! Своей любовью
Он тяжкий крест твой облегчит,
Своей святой и чистой кровью
Он язвы сердца исцелит.
И слезы пусть ручьем обильным
С лица польются твоего,
И преклони перед Всесильным
Колени сердца своего!

„Сборник рел.-нравств. стихотв.“, Москва 1905 г.

РАСПЯТИЕ

Боже, пред Тобой стою я с умилением.
Ты за мир вознес святую плоть!
Каким униженным кровавым искуплением
Спасенье ниспослал на землю Ты, Господь!..
Последний час пробил жестоких испытаний,
Христос уже свершил Свой подвиг неземной;
Шумел Иерусалим среди людных улиц, зданий,
Внезапный мрак над ним грозил зловещей тьмой.
С Голгофской высоты раздался глас:
„Свершилось!“
Свой дух предав Отцу, поник Господь главой,
И тайною небес окрест все озарилось:
Сбылось сказание над грешною землей.
Дрожал Иерусалим, а с ним вся Иудея,
И вздрогнула земля, страшася тайны той,
И чуждая коварств, молитва фарисея
Теперь лилась из уст; тревожно в град святой
Со страхом все бегут, встают из хладной сени
Внезапно мертвецы с распавшихся гробов,
Спеша в Иерусалим, как призраки, как тени,
Как привидения загробных царств, миров.
Повсюду мрак царит и древних стен твердыни
Распались; раздралась таинственной рукой
Завеса в храме том, хранились где святыни,
А Ты уже молчал, Страдалец мировой!..

„Новая арфа“

Гр. И. А. Валуев

МОЛИТВА

Спаси меня, Господь! Затмился надо мною
Твоих святых небес лазуревых покров.
Просвета нет; гроза находит за грозою,
И между гроз, от мглы нависших облаков
На все вокруг меня ложится тень седая.
Гнетущею тоской я день и ночь томим.
То с бурею в борьбе, то бурю ожидая,
Я верою одной в Тебя, Господь, храним.
Господь, храни меня!

Спаси меня, Господь! Таинственную силу
Той веры до конца даруй душе моей,
Пока я не свершу пути, пока в могилу
Я не сложу с земною жизнью своей
Все то, чем некогда Ты дал ей озариться,
Что я считал моим, о чем Тебя молил,
Что Ты мне дал любить и дал, к чему стремиться,
Чем испытал меня и чем благословил.
Господь, води меня!

Спаси меня, Господь! Трудна была дорога;
Борьба с преградами, ненастье, близость бед,
И сердца чуткого немолчная тревога
Мой утомили дух. На прошлой жизни след
В раздумьи тягостном смотрю усталым взором,
Воспоминаний ряд проходит предо мной.
И больно мне, когда они звучат укором,
И грустно мне, когда я слышу звук другой.
Господь, прости меня!

ЛЕПТА ВДОВИЦЫ

Учениками окруженный
У входа в храм стоял Христос...
Туда народ, душою сокрушенный,
Что мог, в сокровищницу нес...

И с теплой верой в благость Бога
Кругом – в сокровищницу ту –
Иные клали очень много,
А те посильную лепту.

Но вот с молитвою за ними
Вдовица тихо подошла
И лепты две, для всех незримо,
На дело Божье отдала.

И говорил Христос, и силой
Дышали Божии слова:
„Всех больше ныне положила,
Вот эта бедная вдова!

Богатых лепта, без сомненья,
Для них излишнею была,
Она же, с верой во спасенье,
Все, что имела, отдала!“

„Новая арфа“

Н. Рябов

Не угасай, небесный пламень,
Душа тобой озарена!
Угаснешь ты - уснет она,
И обратится сердце в камень,
И будет жизнь, как смерть, темна.

Но озари в душе усталой
Все потаенные углы,
Развей печаль сердечной мглы
И возвести зарею алой
О жизни духа вне сует...
Не угасай, небесный свет.

„Новая арфа“

ЕВАНГЕЛИЕ

Читая вечные, священные страницы,
Переношусь я мыслью в край иной:
Передо мной встают Божественные лица
И слышится мне голос их святой.
И, дум исполненный высоких и чудесных,
Я горячей молюсь и слезы лью
И мудрости земной пред мудростью небесной
Печальную ничтожность познаю.

„Новая арфа“

Когда смущает сердце страх
Упреком совести тревожной,

Спеши упасть пред Богом в прах
С слезой раскаянья неложной.

Припомни кроткий взор Христа
В тот миг, как Он в венце терновом
За нас истерзанный с креста

Молил Отца смиренным словом
Убийцам злобным грех простить.

И верь, Он хочет искупить
Твой грех по благодати безмерной,
Лишь должен ты нелицемерно
Обет – закон Его хранить.

„Новая арфа“

Э. Губер

Под громом бури, в час урочный
Склонив усталую главу,
Тебя молитвою полночной,
О, Боже благодати, зову...

Твоя неведомая воля
Меня по терниям вела,
И тяжело земная доля
На рамена мои легла.

Не попусти в цепях недуга
Остыть в тоске душе немой,
Но озари улыбкой друга
Неотвратимый жребий мой.

Мои мучительные ночи
Отрадным сном благослови
И на заплаканные очи
Повея дыханием любви.

И если грудь в борьбе застонет
И враг лукавый яд страстей
С насмешкой злобною заронит
Во глубину души моей,—

О, Боже, замысел лукавый
От мысли грешной отгони,
Наставь на путь меня Твой правый
И душу верой осени.

„Новая арфа“

ТРИ СЕСТРЫ

Горя, страданий, отчаянья полны
Моря житейского бурные волны,
Брызги их - слезы и кровь.

Но человеку в юдоли томленья
Чудные сестры даны в утешенье:
Вера, Надежда, Любовь...

Первая - в доле суровой, унылой,
К людям приходит могучею силой,
Светом небесным полна

И, ободряя усталых душою,
Вера приносит им твердость с собою,
Гонит сомненья она...

В бедах, в печалях, в тоске безысходной
Светит вторая звездой путеводной,
Гонит отчаянья гнет...

Смотрим вперед мы с Надеждой смелее,
Темная даль и ясней, и светлее,
Легче нам бремя невзгод...

Третья сестра - это Божье дыхание,
С ней страшны никакие страдания,
Храм ее - наши сердца...

В ней - сострадание, жалость, участие,
В ней - красота, всепрощенье и счастье,
Царство Любви без конца.

„Сборник рел.-нравств. стихотв.“, Москва 1905 г.

В. А. Жуковский
(1783-1852)

ВСЕМОГУЩЕСТВО БОЖИЕ

Господь! Господь! В беде моей жестокой
На небеса Твои с надеждой, с верой
В тоске, в слезах я душу посылаю!
Всесилен Ты – тончайшей паутине
Тебе легко дать крепость твердой стали;
Всесилен Ты – тройным железным узам
Тебе легко дать бренность паутины;
Ты дивный Бог, с Тобой слепец Самсон
И в слабости могущество низринул;
Тебя призвав, он столб переломил –
И на врага упали своды храма.

Неизвестные авторы

Хвали Творца, лишь день начнется!
Хвали, когда земля проснется!
С восходом солнечным хвали!
Хвалу приемлет Бог любви.

Хвали Творца за все создание;
При пенье птиц и щебетанье
С их общим хором слей свой дух!
Бог близок, Божий всюду слух.

Хвали Творца, как полдень светит.
Хвали и ночью, Он заметит
И в ночь и в день твой чистый дар -
Молитвы шепот, сердца жар.

* * *

Поражен житейской битвой
И бесцельной суетой,
Я с горячею молитвой
Преклоняюсь пред Тобой.

Об одном молю в смиреньи:
Чтоб на жизненном пути
Мне хватило сил, терпенья
Крест до гроба донести.

Не скажи, что нет спасенья,
Что в страданиях изнемог;
В темной ночи ярче звезды,
В час страдания ближе Бог.

* * *

Когда отрада упования
В тебе погаснет без следа,
И будут тяжелы страдания,
И за бедой придет беда,

Тогда бери ты книгу эту;
В словах живительных ее
Найдешь призыв к добру и свету,
И на страдание твое

Здесь чудный голос отзовется
Всепокоряющей любви,
Он над тобою пронесется:
Страдай! Терпи! Люби! Живи!

Тот голос радостною силой
Больную душу оживит,
Она не дрогнет пред могилой
И горе жизни победит.

БИБЛИЯ

Испытывал ли ты те чудные мгновенья,
Когда в душе твоей под бременем сомненья,
В тумане смутного и тягостного сна,
Вдруг будто зазвучит волшебная струна
Протяжно, жалобно, как робкий и печальный
В полночный час в горах свирели звук прощальный
И мигом вокруг тебя слетится рой теней
Давно минувших лет, давно забытых дней.
И мнится, будто все, что час один назад
Вливалось в грудь твою обиды жгучей яд
И жгло тревожный ум и тучей роковою
Висело над твоей унылою душою,
Все было только сном, тяжелым смутным сном
В больной душе твоей, в уме твоём больном;
И этот сон исчез, как призраки могилы
При первом блеске дня, и вновь кипучей силы
И жизни молодой полна душа твоя,
Как утром свежее, здоровое дитя,
И вновь торжественны, крепки, звучны и юны
Звенят, поют ее трепещущие струны.
Такая же страна в душе моей больной
Мгновенно зазвучит, едва передо мной
Раскроются бессмертные скрижали,
Где истина и слава записали
Воспоминанья тех блаженных дней,
Когда они с высот святых слетели
В приюты дальние людей
И песню первую запели
Под грохот разбиваемых цепей.

* * *

Христос воскрес! Воскрес Мессия!
Распятый на кресте воскрес!
Опять звучат слова святые,
Как будто с высоты небес.

Христос воскрес! Любовь, прощенье
Всёму Он миру возвещал;
И умер Он за нас в мученье,
И воскресеньем смерть поправал.

Христос воскрес! Сегодня, братья,
Забудем в сердце мы себя,
Раскроем братские объятья
Для ближних, веря и любя!

* * *

Безгрешного Христа распяли иудеи,
Распяли грешники, убийцы и злодеи -
Но вот свершилось чудо из чудес:
Христос воскрес!

Он вечный, как Отец, и Божий Сын от века
Воспринял на себя страдания человека;
Чтоб грешников спасти, Он снизошел с небес,
И умер, и воскрес.

Христос закон свободы людям проповедал
И ближнего любить, как брата, заповедал;
Прощение и мир на землю Он принес -
Спаситель и Христос.

Воскликнем же, прослушав ряд воспоминаний
За нас Им принятых мучительных страданий,
Воскликнем, позабыв минуты слез:
Воскрес Христос!

„Новая арфа“

МОЙ БОГ

В Нем сила с правдою в союзе неразрывном;
В деснице меч, у ног лежит гирлянда роз;
В одном созвучии, в одном аккорде дивном
И трели соловья и грохот буйных гроз...
Таков мой Бог! Таков тот чудный, мощный гений,
Что в час отчаянья, явившись предо мной
Средь тьмы неверия, средь сумрака сомнений
Зажегся яркою звездой.
Он дал мне острый меч и дал венок душистый,
Сказав: „Иди дорогою тернистой,
Смирись пред истиной и правду защищай.
Пусть будет от врагов Мой меч тебе защитой,
А розы ты на путь, ручьями слез облитый,
К ногам друзей бросай!“
Таков мой Бог!

„Новая арфа“

Т. Р. Шевченко

Жить мне дай, Творец Небесный,
О, дай мне сердцем, сердцем жить,
Чтоб я хранил Твой мир чудесный,
Чтоб мог я ближнего любить.

У. Шекспир

(1564-1616)

Любовь – над бурей поднятый маяк,
Не меркнущий во мраке и тумане.
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.

М. Дональд

Моя душа – пустыня без Тебя,
Иль грустная прибрежная пещера;
Твоим присутствием, мой Бог, Ты оживил меня,
Волной любви Твоей насыть мою Ты веру.

СОДЕРЖАНИЕ

А. К. ТОЛСТОЙ

Христос	3
Мадонна Рафаэля	4
Из „Иоанна Домаскина“	5
Грешница	7
Смерть	14

Н. С. НИКИТИН

Успокоение	15
Новый завет	18
Моление о чаше	19
Молитва дитяти	24
Была пора невинности счастливой	24

С. Я. НАДСОН

Христианка	26
Христос!.. Где Ты, Христос	32
Я не Тому молюсь	33
О, если там, за тайной гроба	34
Иуда	35
Полдороги	42
Случалось ли тебе бессонными ночами	44
Есть страдания ужасней	45
Завеса сброшена	45
Я чувствую и силы, и стремление	46
Неужели всю жизнь	46

А. Н. ПЛЕЩЕЕВ	
Учитель	47
Мольба	48
Легенда	49
В суде он слушал приговор	50
В. ЛИХАЧЕВ	
Блажен, кто верует	51
Распни Его! Распни!	52
Самарянин	53
Т. МУР	
Ветхозаветные песни из „Ирландских мелодий“	54
А. А. ФЕТ	
Ночь тиха, по тверди зыбкой	56
Когда кичливый ум	56
Не тем Господь могуч	57
Когда Божественный бежал	58
Чем доле я живу	58
К. М. ФОФАНОВ	
Еще те звезды не погасли	59
Благодарю Тебя, Создатель	60
Две жизни	61
К. ЛЬДОВ	
Волхвы	62
Голгофа	63
Пророк	64
Суета — сует	66
Когда душа стремится к Богу	67

Белою ночью иду по дороге	67
Пророк Иоанн	68
Д. С. МЕРЕЖКОВСКИЙ	
Не надо звуков	69
Бог	70
О, если бы душа полна была любовью	71
Страшный суд	72
Блажен, в чьем сердце мир глубокий	74
Молитва о крыльях	75
Если розы тихо осыпаются	75
„Христос воскрес“	76
Пророк Иеремия	77
Дети	78
Цветы	79
И хочу, но не в силах любить	79
Изгнанники	80
Притча о богатом	81
Л. А. МЕЙ	
Искушение Христа	82
Нагорная беседа	83
Слепорожденный	85
А. КРУГЛОВ	
Не все равно	90
Ты говоришь, что я останусь	91
В том нет греха	92
Христос с тобой	93
Лукаво выданный Своим учеником	94

Ф. И. ТЮТЧЕВ

Скудны все земные силы	95
Наш век	96

К. К. РОМАНОВ

Когда, предвидя близкую разлуку	97
Пусть эта книга священная	98
Когда креста нести нет мочи	98
Молитва	99
Ты в жизни скорби и мучений	100
Не говори, что к небесам	101

О. ЧУМИНА

Я пал пред Господом	102
Моление о чаше	103

Л. АФАНАСЬЕВ

Иди вперед	105
Есть один очарованный храм	106
Меч	107

А. КОРИНФСКИЙ

Звезда Вифлеема	108
Под тяжестью креста	109

И. И. КОЗЛОВ

Любовью дух горит к Тебе	110
Услышь, Христос, мое моление	111

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Ангел	112
Пророк	113
Когда волнуется желтеющая нива	114

А. Пушкин	Странник	115
Г. Державин	Бог!	118
П. Вяземский	Любить. Молиться. Петь.	121
П. Вяземский	Все зыбко в жизни	121
Бакунин	Нет жизнь земная...	122
В. Кюхельбекер	Душа моя, ликуй и пой	124
В. Мюр	Он пришел...	125
Бальмонт	Господь! Господь!	126
А. Хомяков	Как часто во мне пробуждалась.	128
А. Полежаев	Грешница	129
В. Бенедиктов	Две книги	131
Е. Миллер	Я не хочу веселия...	134
Ал. Лавров	Из пророка Захарии	135
З. Гиппиус	Сообщники	136
С. Соловьев	Отречение	138
Вл. Соловьев	Ночь на Рождество	139
Н. В. Т.	Среди нужды...	140
В. Жуков	Вражду житейскую рассеяв	141
Я. Б.	И будет, Божьи дети...	142
М. Лохвицкая	Молитва о гибнущих	144
А. Пальмин	Голос из выюги	145
Ю. Жадовская	Кто мне родня	147
И. Яловец	Преображение	148
А. Озеров	Верное врачество	150
С. Киснемский	Лежит Он в яслях тих...	151
С. Киснемский	Если жизнь не красна...	152
Н. Кулаков	Чудо из чудес	153
М. Антонов	Всеведение Божие	155
А. Майков	Блажен, кто сохранил...	157
А. Майков	Чуму нас учат небеса	158
И. Кулжинский	Тихая пристань	159
А. Жемчужников	На утренней заре	160
А. Жемчужников	Притча о сеятеле и семенах	161

Н. Шлямберг	Молитесь	162
Н. Ярышкин	Распятие	163
Гр. И. Валуев	Молитва	164
В. Богословский	Лепта вдовицы	165
Н. Рябов	Не угасай...	166
Ф. Пестряков	Евангелие	167
С. Анненков	Когда смущает сердце...	168
Э. Губер	Под громом бури...	169
Н. П. К.	Три сестры	170
В. Жуковский	Всемогущество Божие	172

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Хвали Творца...	173
Поражен житейской битвой	174
Когда отрада упования	175
Библия	176
Христос воскрес	177
Безгрешного Христа распяли иудеи	178
Мой Бог	179
Т. Шевченко Жить мне дай...	180
Шекспир Любовь – над бурей	181
М. Дональд Моя душа...	182

